

СТУДЕНТЫ ХИМФАКА МГУ НА ЦЕЛИНЕ

(1956 и 1957 гг)

Анатолий Пономаренко, Анатолий Усов

*Весь вечер споры до полночи
Слышны по блокам там и тут:
«Пускай не едет, кто не хочет,
Таких, наверно, и не ждут.
Да что болтать, друзья, без дела?
Ведь думу думаем одну!
Пиши, что сердце повелело –
Прошу послать на целину!»
И взяв путевку как награду,
Как право ехать на восток,
Уверен каждый – если надо,
Хлеб будет убран, убран в срок.*

*Юрий Чаповский,
студент III курса*

Предисловие. «Рукописи не горят».

Первый отряд студентов химфака МГУ отправился на целину летом 1956 года, ребята работали на юге Казахстана, недалеко от Алма-Аты. В следующем году более представительный отряд был направлен на север Казахстана, в Кустанайскую область. Анатолий Пономаренко, студент третьего, а потом и четвертого курса, был участником обоих этих отрядов. Я не попал в первую экспедицию, а во второй мы с Толей Пономаренко вместе работали в одной бригаде. Впоследствии Толя увлекся альпинизмом и вскоре после окончания МГУ погиб на Кавказе в одном из восхождений. Некоторые его бумаги довольно сложным путем попали ко мне, и там оказались его записки о целинной эпопее, которые состояли из двух частей. Первая часть, посвященная 1956 году, к сожалению, обрывалась на полуслове (к ней были приложены фотографии не очень

высокого качества). Сейчас уже нет возможности выяснить, не успел автор дописать это сочинение или просто потеряно окончание рукописи. Вторая часть представляет собой законченное произведение.

Я в то время не писал воспоминаний, но сделал на целине довольно много фотографий, которые сохранились. Мне захотелось проиллюстрировать текст Толи Пономаренко этими фотографиями, но, приступив к делу, я понял, что все не так просто. Толя пишет от первого лица, и для некоторых его сюжетов у меня нет иллюстраций, и наоборот, некоторые мои фото относятся к событиям, не упомянутым в тексте, но, с моей точки зрения, несомненно, заслуживающим описания. Конечно, по вполне понятным соображениям, я не считал себя вправе изменять авторский текст. Поэтому я решил сопроводить фотографии достаточно подробными подписями, сделать собственные вставки в оригинальный текст, но выделить и обозначить весь этот дополнительный материал курсивом.

А.И.Усов, май 2020 г.

Год 1956

Сейчас даже трудно вспомнить, как это началось, так же как трудно вспомнить того, кто первый решил поехать. Первым вопросом при встрече был: «Ты едешь?» Отвечали по-разному. На факультете толпился народ около комсомольского бюро. Подавали заявления. В это же время был назначен штаб, который стал заниматься отъездом и который на целине должен был руководить нашей работой.

И вот наступил долгожданный день, когда нам на собрании будущих целинников вручили комсомольские путевки.

Чем ближе был день отъезда, тем больше накалялись страсти. В бюро поминутно входили и выходили люди. Там и здесь бегал Володя Василевский, призывая всех получить даровые одеяла и матрасники. Из лабораторий «добывали» фотохимикаты. Подъемные деньги были обобществлены, и специальная комиссия под руководством В.Лишневого «энергично» принялась за закупки пищевого сырья и полуфабрикатов.

А мы этим временем бегали по Москве и тратили стипендию. Делалось это просто: покупался рюкзак и набивался всякой всячиной. Для того, чтобы потратить стипендию, уходил час, ну, максимум, два часа времени.

И вот четвертого июля нам вручили факультетское знамя, и мы пошли к центральному подъезду МГУ, чтобы послушать окончание митинга.

От целины нас отделяло еще одно препятствие: надо было добраться до вагонов, преодолев при этом много движимых и недвижимых препятствий (кто нас провожал, тот это знает). Но все это мы преодолели и благополучно добрались до путей. Первое, что мы увидели, были вагоны-теплушки с надписями на каждом из них. На одном значилось, например, следующее: человек 56, а юристов 52. Первый и второй курсы быстро устроились в вагоне №6, третий курс и «остатки» заняли следующий седьмой вагон. Потянулись последние предотъездные часы. Каждый проводил их по-своему. Одни прощались, если было с кем, другие давали интервью корреспондентам и позировали кинорежиссерам, третьи бегали за майонезом и мороженым. Были и такие, кто умело сочетал все эти удовольствия разом.

(авторская подпись отсутствует)

Но вот раздался долгожданный гудок, и мы двинулись, но почему-то назад, а не вперед. Не умудренные опытом, мы сначала не поняли, что так трогается товарняк. Отъезжали мы по ветке, что около МГУ, и прежде, чем нас выпустили на порядочную дорогу, прошло немало времени – шесть часов. Мы, как привязанные, никак не могли отъехать от МГУ, и его красивые здания показывались то слева, то справа от нас.

Но проснулись утром мы уже в нескольких десятках километров от Москвы. Мигом была вывешена карта, на которой красным карандашом был отмечен наш короткий путь за 12 часов. Выглядел он скорее не линией, а жирной красной точкой. Не успели мы устать, как нас ждал длительный отдых (10 часов). Перед нами был Рязск. Прежде всего мы решили преобразить вагон и придать ему цивилизованный вид. В права вступила дежурная десятка. Нетрудно представить, как сложно было поддерживать порядок в вагоне, если на каждые пять человек приходился один дежурный. Для начала эта десятка выгнала нас, и народ отправился в город, где число гусей и уток явно превышало число жителей. Мы сразу познакомились с местными нравами и поняли, что здесь не любят «чужестранцев». Местная жительница лет 8-9 долго старалась попасть в нас дохлой курицей. В Рязске мы впервые выкупались, причем это было сделано из принципа, так как река вовсе не манила нас в свои прохладные воды по причине плохой погоды. (Этим начались наши дорожные купания). Мокрые и недовольные, мы вернулись в вагон, который за время нашего отсутствия преобразился. Появились надписи. Над ведрами с водой и обобществленной посудой надпись «Водохранилище», а над обобществленными продуктами – «Гастроном и утильсырьё». Появился и стол из ящичков с сухарями, стулья из рюкзаков и чемоданов. Народ распределился по полкам в три этажа.

(авторская подпись отсутствует)

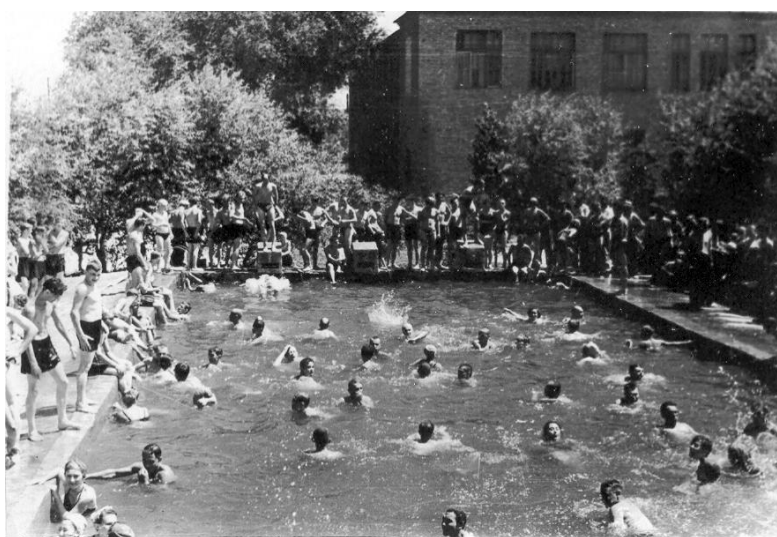
Наш эшелон двигался по различным климатическим областям. Жара росла неуклонно. Приказом по вагону была введена неофициальная форма одежды: разрешалось оставлять на себе только суровый минимум. Все большее количество людей приобщалось к водным процедурам. Началось со скромного обливания из обыкновенной кружки. Потом перешли к обливанию из ведер, далее этого стало совсем недостаточно, и пришлось поэтому прибегнуть к технически совершенным методам. Едва эшелон останавливался, из него вываливалась полуголая орава, которая концентрировалась под паровозной водоналивной колонкой, и под аккомпанемент гудков, а также при нарастающем недовольстве начальников станций, начиналось интенсивное полоскание. Более прогрессивные из начальников, поняв нашу тягу к техническим новшествам, шли нам навстречу. Так, военный комендант станции Казалинск вызвал на станцию пожарную машину, и жаждущие были обстреляны из брандспойтов под давлением 1.5-3.0 атмосферы.

Из подручных средств использовались: воды Сыр-Дарьи, безымянные озера, а также всякие углубления в земной коре, заполненные водой (водоемы). Качество воды во внимание не принималось.

В течение всей дороги мы ощущали все время чуткое внимание к нам; это внимание проявлялось в самых разнообразных и неожиданных формах. Так, в Казалинске повар, готовя для нас обед, очень волновался: хотел, чтобы обед был вкусным и нам понравился. И когда мы - химики – в сто голосов хором прокричали «Спасибо!», он даже прослезился.

В Сызрани мы стояли в течение сорока минут на товарной станции. Многие ребята захотели посмотреть работу сортировочной горки, и когда девушка-диспетчер увидела нас и узнала, что на станции стоит эшелон целинников, она, воспользовавшись небольшим перерывом, спела нам песню новоселов-целинников. Мы были тронуты таким вниманием. К сожалению, мы не успели выразить ей свою благодарность. Наш эшелон был обработан быстрее графика, к нему прицепили вагоны с уборочной техникой, и мы двинулись дальше. Вскоре жара достигла максимума +54° в тени.

Снова остановка, на этот раз на станции Туркестан. Разомлевшие от жары ребята через силу пообедали, и тут выяснилось, что на станции нам приготовили сюрприз: около столовой был прекрасный бассейн с прохладной водой. Нужно ли писать, что бассейн вскоре стал напоминать щи с клецками, крутую кашу из человеческих тел. Но счастье было так кратковременно. До самого вечера продолжались страдания, и пассажиры тщетно мечтали об открытии вагона-бассейна.

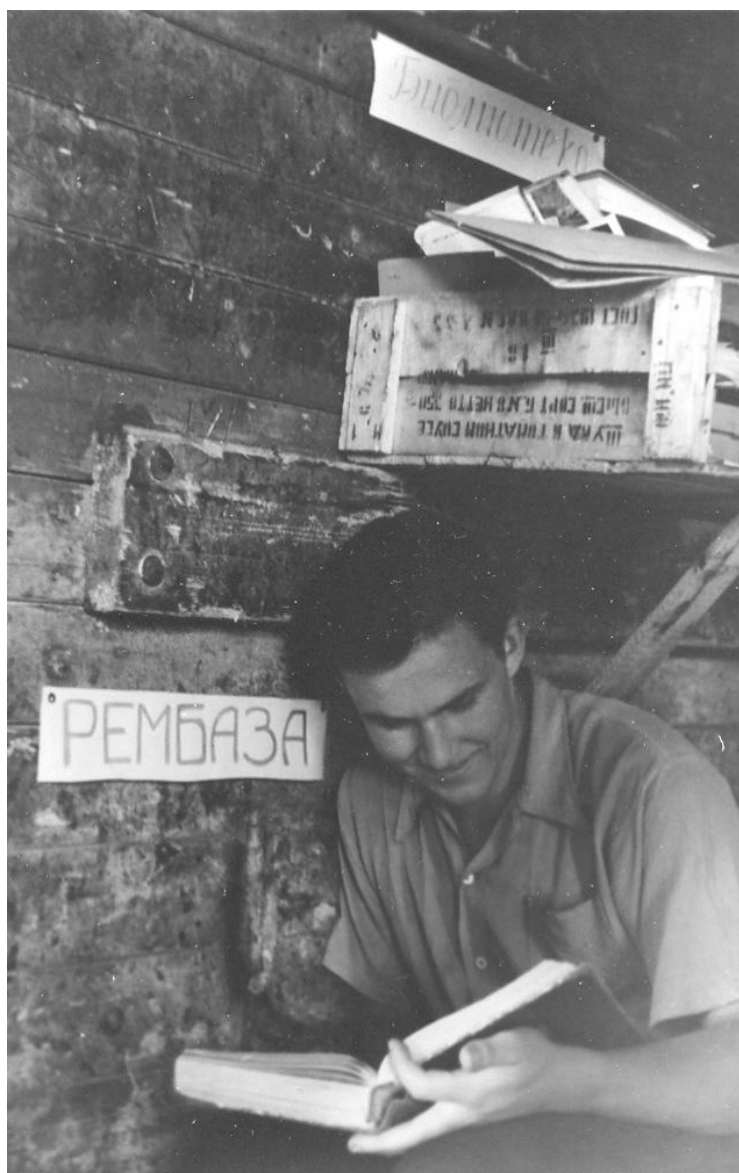

Станция Туркестан, водная «экзотика».

Около восьми часов дежурные поднимали спящих, на умывание уходило много времени и не меньше воды. КПД воды находился на уровне 25%. Остальная часть шла в окружающую среду. В 10-11 часов дежурная десятка провозглашала начало завтрака. Каждый кусок колбасы с большим трудом вырывался из рук снабженца С.П. Губина. Из-за его практичности и экономии впоследствии образовались большие избытки колбасы. Губин со слезами на глазах предлагал ее всем. Дело кончилось тем, что она было продана в совхозный магазин, и мы варили из нее щи.

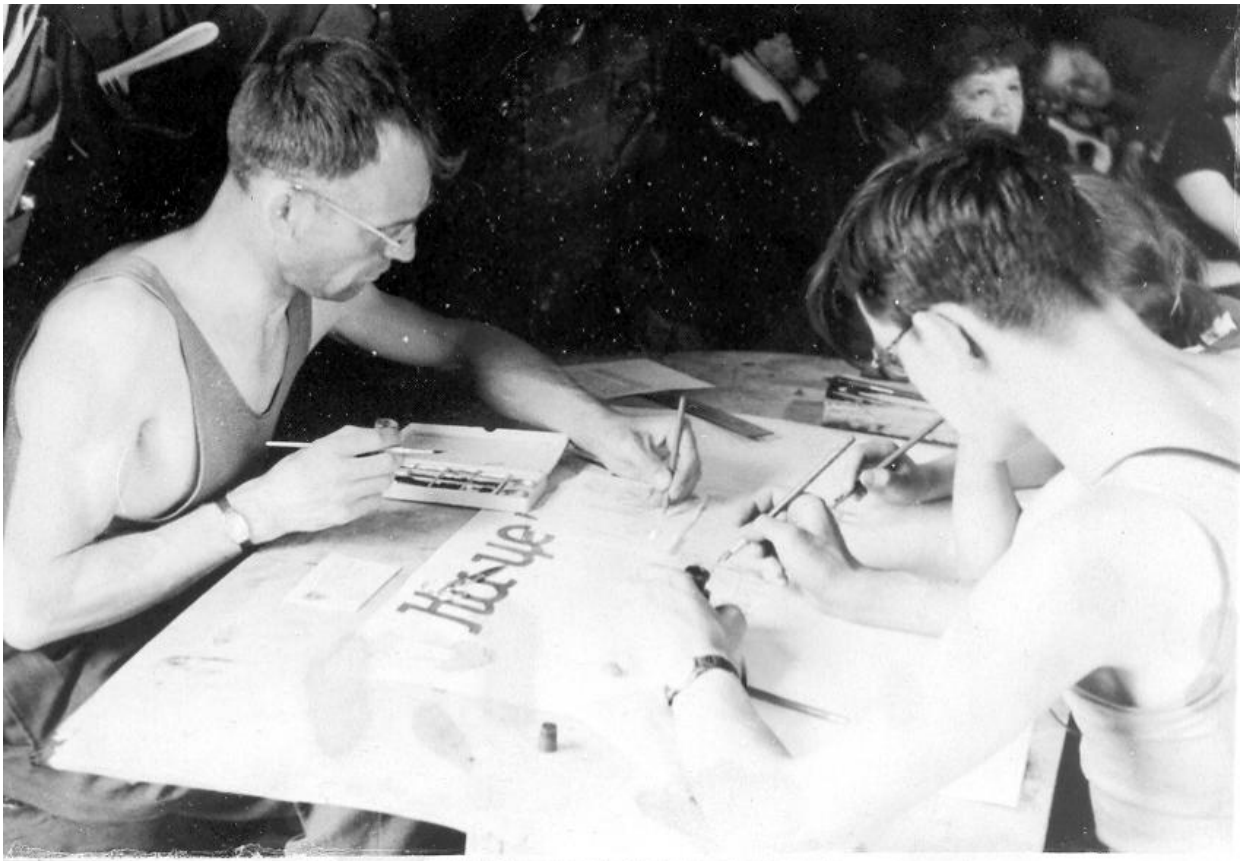
Ели в несколько смен, причем, пока ела последняя десятка, первая уже успевала проголодаться и приходила за добавкой. К 12 часам завтрак заканчивался, и начиналось предобеденное время. На столе появлялись всевозможные настольные игры и книги. Некоторые с задумчивым видом садились, покусывая карандаш, над чистой тетрадь, где еще раньше было выведено «ДНЕВНИК». Многие из них, как было замечено, и в конце пути так и сидели над своей чистой тетрадкой.

Жизнь особенно оживлялась после обеда, когда спадала жара, и народ садился в кружок около дверей и затягивал: «То не ветер ветку клонит». Эта песня повторялась каждый день несмотря на то, что наш песенный репертуар быстро расширялся. На второй день появились охрипшие, но хор продолжал петь.

«Мастерская» за работой (В. Храпов).

Как ведро холодной воды подействовало на весь эшелон появление на свет первого дорожного номера газеты. В соседний вагон, где сконцентрировался административно-управленческий аппарат, началось паломничество представителей других факультетов. Они кланчили у запасливого А.Е. Агронома бумагу, карандаши и т.п. А.Е. иногда давал, но духу выпустить газету не хватило ни у кого, кроме мех-матовцев, но между их газетой и нашей было такое же расстояние, как между Москвой и Алтаем. Главный художник Д. Катаев в трудных дорожных условиях проявлял чудеса акробатики, внося свой вклад в золотой фонд русской сатиры. Газета была дорожной не только по своему содержанию, но и потому, что несла на себе следы долгой дороги (подтеки, надрывы и т.п.).

Делают дорожную газету (Д. Катаев).

Наши дорожные впечатления были разнообразны и содержательны. На каждой даже пятиминутной стоянке устраивались танцы при любой погоде и в любое время суток. Культивировались как европейские, так и азиатские танцы. На одной из станций была устроена игра в живые картинки. Преобладали сюжеты из жизни святых и жуликов. Мастерское исполнение А. Грибом роли Иисуса Христа вызвало бурю оваций. Исполнители сюжета «Мадонна с младенцем» по мотивам великих художников прошлого внесли новую свежую струю в трактовку этих образов. Много восторгов вызвало появление первых экзотических местных предметов: верблюда, осла, песчаных барханов. Первого верблюда на станции окружили десятки фотолюбителей. Явно недовольный таким вниманием, верблюд начал плевать. На другой станции группа ослов с соседнего факультета устроила катание на ишаке.

«Серенада Дон-Жуана» (В. Мартемьянов и С. Терехова).

В дороге было много сделано для ликвидации той разобщенности, которая возникла из-за размещения химиков в двух вагонах. Была сделана веревочная сигнализация для всяких аварийных случаев. Но так как аварий не было, то она, по преимуществу, не использовалась. Были установлены как личные контакты, так и контакты в области культуры и искусства. Шахматный матч 6-го и 7-го вагонов закончился победой 7-го вагона при пяти незаконченных партиях. Главсудья Чаповский Ю.А. обещал при первой же возможности, которая еще не представилась, закончить турнир. Футболисты 6-го вагона взяли реванш, но уже в этом виде спорта, одержав победу со счетом 4:0.

Чтобы подготовить себя к трудностям и невзгодам целинной жизни, мы прослушали научно-популярную лекцию «лектора МГУ» т. Василевского «О гадах». После этого девочкам снились кошмары. Научный авторитет лектора был поколеблен в первые же две недели пребывания на целине, когда не попалось ни одного гада. Но с каким удовлетворением мы позже восприняли появление змеи на нашей кухне во время приготовления обеда! Появление оной было встречено скептическим замечанием С. Губина: «А все из-за антисанитарных условий!» Но об этом речь ниже. А пока наш эшелон подошел к станции Копа, где нас встречали совхозные машины. С развернутым знаменем мы двинулись в будущее.

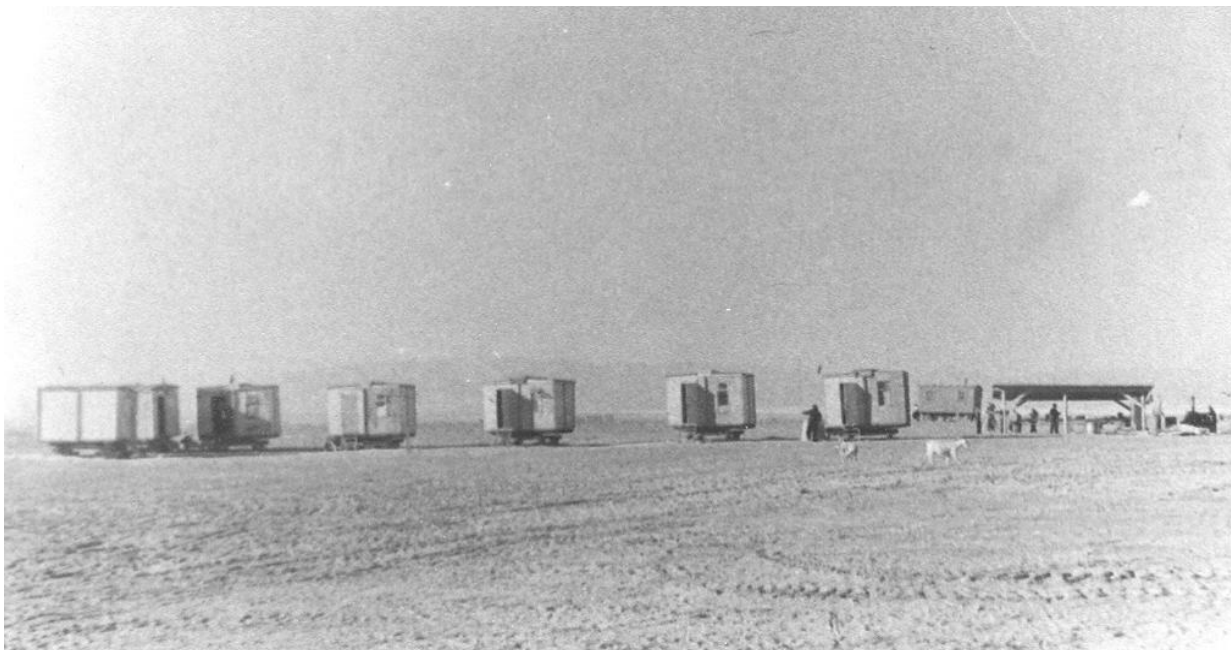
Высадка на станции Копа.

Итак, тринадцатого июля, высадившись на станции Копа, что близ Алма-Аты (120 км), мы двинулись навстречу неизвестному будущему. Вокруг расстилалась бескрайняя пыльная степь - ни одного дерева, ручья или домика до самого горизонта. Нигде вообще перед нами или позади нас не было никаких предметов, за которые мог бы зацепиться всегда ищущий взгляд студента. И только огромные, красивые клубы пыли с интересным оттенком окрашивали это однообразие степи и радовали наши сердца. Но радость эта была немного преждевременной и вскоре стала угасать. Дело в том, что машина в своем движении вынуждена была иногда сдерживать свой быстрый бег перед всякого рода естественными препятствиями. И вот тогда-то пыль мгновенно набрасывалась на нашу

автомашину, вернее, на людей, восседающих на ней, покрывая одежду и лица толстым слоем серого порошка. Через несколько таких пылевых атак ребята вдруг обнаружили, что у заднего борта машины, где при отъезде со станции расположился Василевский, сидел чужой человек, чужой по всем статьям. И только тогда, когда, увидев множество недоуменных взглядов, эта чужая фигура улыбнулась, все облегченно вздохнули, узнав Василевского по еще белым зубам и по характерной улыбке, широкой и всеобъемлющей.

Не успели мы проехать и десяти километров, как стали попадаться первые впечатления. На жару не обращали внимания. Громко пели и весело смеялись. Дорога долгое время шла вдоль железнодорожного полотна. Три раза машина останавливалась посреди дороги по требованию ребят: горела степь, точнее, горели жалкие островки растительности, которой удалось пробиться на поверхность земли и удержаться на ней, несмотря на длительное отсутствие дождей. И хотя эти пожары не представляли серьезной угрозы для желтевшей вдали пшеницы, ребята не могли спокойно глядеть на этого постоянного врага человека. Схватив единственную лопату, они смело бросались в огонь и, ожесточенно действуя этой лопатой, забрасывали огонь пылью и быстро побеждали в таком единоборстве со стихией.

Отъехав километров на тридцать от железной дороги, мы приблизились к месту нашей будущей работы. Место достопримечательное, и о нем можно, пожалуй, сказать несколько слов. Посреди все той же бескрайней степи стояло три фундаментальных и десять фанерных домиков. Это были в полном смысле избушки на курьих ножках. Вот и весь жилищный фонд фермы «Целинная». Существовала она всего второй год. Вокруг фермы не было ничего примечательного, в том числе и воды, зато было много солнца, градусов и пыли!

Ферма «Целинная» Кастекского овцесовхоза. Общий вид на наши домики и столовую.

О, какая там пыль! Словами это просто нельзя передать, нужно увидеть ее, пощупать ее, пожить с ней в тесном контакте. Двух дней достаточно, чтобы возненавидеть ее всей душой. Она вечно покрывала толстым слоем почву, предметы, проникала в домики, рюкзаки, в пищу, фотоаппараты и так далее. Для нее не существовало преград. Она портила нам жизнь, но не настолько, чтобы испортить настроение.

Итак, в полдень 13 июля вся наша сотня химиков прибыла на ферму «Целинная» Кастекского овцесовхоза Джамбулского района Алма-Атинской области, высадилась из машин прямо на пыль и стала ждать решения штаба. Дело в том, что на этой ферме требовалось всего семьдесят человек, остальные тридцать должны были ехать дальше, на ферму совхоза «Таргай». По вопросу: кому ехать дальше? – возникли острые дебаты. Все хотели остаться на «Целинной», и к тому же первый и второй курсы изъявили желание работать вместе. Штаб не мог удержать расходившуюся массу, и тогда-то известный анархист-турист Лев Ягужинский предложил: «Давайте действовать по старому туристскому закону: кто отгадает, в какой руке монета, тот и останется». Лев зажал монету в руке и за спиной стал проделывать таинственные махинации. В домике стояла напряженная тишина, изредка прерываемая воплями с улицы: «Давайте же скорее кончайте!» Наконец кто-то из членов штаба с первого курса произнес дрожащим голосом: «В правой!» Лева медленно разжал пальцы. Глаза окружающих ощутили пустоту: монеты в руке не было. Раздались дикие возгласы радости: это кричал третий курс, обрадовавшийся столь счастливому завершению долгой «битвы» за пребывание на «Целинной». Возмущенные первый и второй курсы опротестовали столь анархичное

решение. Штаб прислушался к их здравому голосу и переменял свое решение на обратное, согласно которому первый и второй курсы остались на ферме.

На «Целинной» обосновался также штаб химиков-целинников, ряд товарищей с третьего курса и так называемые «остатки». Начальство заняло на «Пыльном проспекте» дом № 4, а «остатки» обосновались в доме № 7. Второй курс разместился во втором и пятом домиках, а первый – в первом, третьем и шестом. Домики были рассчитаны на 12 человек. Но все эти вопросы расселения были решены уже после первого нашего целинного собрания. Происходило оно в непривычной для нас обстановке, на току. Мы сидели в амбаре прямо на зерне и слушали директора совхоза тов. Шарипова, который познакомил нас с будущей работой и рассказал о планах и задачах совхоза.

Потом мы приступили к основательному решению жилищного вопроса. Основная масса увлеклась перетаскиванием чемоданов и рюкзаков из домика в домик, выясняя попутно, где можно достать солому для матрацев и в какой домик следует поместить общественные книги, продукты, рембазу. Нигде, конечно, свободных мест не оказывалось, и каждый дом советовал обратиться к соседям, сетуя на недостаток жилплощади у себя.

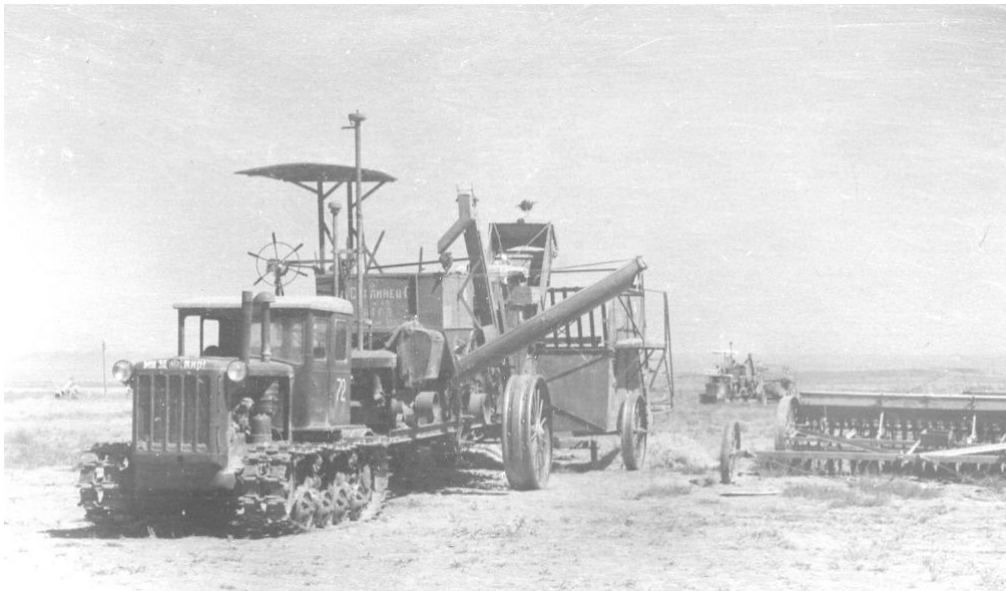
В это время группа наиболее энергичных юношей из числа тех, кого тяготили хлопоты подобного рода, обнаружили в наличии баню. Баню и даже с водой! Радости при этом было даже больше, чем воды в ней. По виду это было небольшое сооружение типа товарного вагона. Вмещало оно сразу шесть человек. Как было видно, на ферме нас ждали и встретили, как могли. И самое главное – в бане были горячая вода и тазы. Можно было смыть с себя десятидневные отложения после долгой дороги. Такое проявление любезности со стороны местной общественности мы смогли оценить только значительно позже, когда поняли, какое это дорогое удовольствие – помыться горячей водой. Нужно было привезти воды и дров, а их близко и в помине не было. За полтора месяца пребывания на «Целинной» нам удалось еще только два раза побрызгаться под кружками или котелками с горячей водой, тазов же мы больше не видели.

Пока одни, на ночь глядя, принимали водные ванны, другие знакомились с местностью. Группа Робинзонов отправилась на поиски ручья (по словам старожилов, встречавших на ферме всего второй год, он находился километрах в двенадцати и представлял собой что-то среднее между ручьем и болотом). Вылазка была удачной, и поздно вечером наши искатели вернулись целыми и невредимыми. Впереди гордо вышагивал Валя Лузиков. Он нес змею, пойманную и убитую в дальних от фермы краях. Воспользовавшись темнотой и выдавая этот труп за живую змею, Лузиков стал пугать девочек. Девочки в страхе разбегались, а Валя радовался.

В этот вечер мы в первый раз в нормальной обстановке, вдали от родной Москвы, встречали солнечный закат. Было очень красиво. Жара уже спала, и красота от этого только выигрывала. Стояла необычная тишина, так нам, по крайней мере, казалось после девятидневной болтанки в товарном вагоне. Но не все из нас любовались в тот первый день красотой южной ночи, некоторые успели познать и радость труда. Не в состоянии дожидаться утра, В. Голубев, В. Дураков, А. Агрономов, Ю. Харитонов, И. Мелихов, Ч. Айзатулин отправились на ток: руки просили работы.

На востоке начал светлеть небосвод. Наступал первый день нашей работы. Уже само утро несло с собой что-то новое, незнакомое. И это утро, и весь первый день были какими-то особенными и потому каждому очень запомнились.

Кое-кто уже с восходом солнца приступил к работе на комбайнах копнильщиками. Сначала таких счастливцев, работавших на крупной технике, было всего несколько человек, но впоследствии число их увеличилось. На комбайнах работали В.Подвязный, Н.Угарова, Л.Пожарицкая, Г.Пояркова, Л.Горбачева, В.Мартемьянов, В.Васильева, Ю.Чаповский, Борисова, Егорова, Сотников и многие другие. При нашем уровне знаний нетрудно было освоить сельскохозяйственную технику, поэтому многие из ребят научились водить комбайны, тракторы. Такие как Угарова, Васильева работали штурманами на комбайнах. Работать на уборке, именно на комбайнах, приходилось по 17-18 часов в сутки, в жару под знойным солнцем. Особенно трудно приходилось в те дни, когда ветер по каким-либо причинам или дул беспорядочно, или отсутствовал. Когда он дул беспорядочно, не соблюдая никаких направлений, к нашему общему врагу – зною – прибавлялись еще пыль и мякина, которая висела мрачным облаком над копнителем, засыпая одежду, лицо, лезла в глаза, от нее нельзя было спрятаться. На обеих сторонах копнителя была одна и та же картина.

Техника готова двинуться на поля.

Но не трудности остались в памяти наших бывших «комбайнеров». Работа в поле имела много привлекательного. Целый день ты проводишь далеко в степи, среди природы. За работой и время текло незаметно. Хорошо поработал – можно и отдохнуть, т.е. поспать часов 5-6. И как приятно после длительного рабочего дня, приняв холодный душ, лечь на мягкое пахучее сено, коим набит предварительно копнитель, и уснуть богатырским сном, а на следующий день, опередив восход солнца, снова приступить к работе.

Нелегко взобраться на копнитель!

Но вернемся к 14 июля. Ранехонько утром в 6 часов около домика начальства собирался народ. В воздухе висели непонятные слова: разгрузка, погрузчик, зернопульт, амбар. Говорившие сами мало понимали смысл этих слов, но они были для них как музыка, они ими просто упивались, часто повторяли эти слова, иногда вовсе не к месту.

Наконец из домика вышла Галя Голубева и вместе со штабом стала составлять списки рабочей смены. И вот после опросов типа: «Желаешь ли ты работать на зернопulte или в амбаре?» - была составлена наконец утренняя смена. И половина имеющихся у нас людских резервов отправилась на ток с целью познать неизвестность.

Придя на ток, мы увидели такую картину: большая площадка, примерно такая же, как у нас между химфаком и физфаком, сравнительно укатанной земли несла на себе несколько строений – избушку механика, амбар.

Год 1957

Сквозь сон чувствую, как кто-то бесцеремонно дергает меня за ногу (*эта сцена происходит в общежитии МГУ на Ленинских горах*). С усилием приоткрываю правый глаз и вижу над моей раскладушкой заботливое лицо В. Храпова. Шесть часов утра 19 июля 1957 года. Нужно вставать. Делаю мужественное движение, но вот Храпов уходит, и я опять в объятиях Морфея. Десять минут во мне борются различные начала, наконец, побеждают благородные, и я – на ногах. Быстро одеваюсь, умываюсь, укладываю в рюкзак последние вещи. Захожу к Семенычу Юрке (*Юрий Оводов, однокурсник*) – они тоже уже встали. В темпе сдаем комнаты и отправляемся к факультету. К восьми часам сюда собираются все мужи нашей десятки: Чаповский, Оводов, Орлов, Храпов, я, Шиллер, Житнев, Гриб и Коля Афонский с самоваром и ружьем типа «бердан». Нам поручено ответственное дело – закупить и доставить в целости и сохранности провиант для наших 14-го, 15-го и 16-го вагонов.

Ровно в 8.00 появляется грузовик. С шумом взгромоздились на него, попрощались с Василевским и покатали по Москве. Часам к 12 закупки были сделаны полностью, и мы с «революционными песнями» через Красную площадь и площадь Революции двинулись к Рижскому вокзалу, где стоял наш эшелон. Перепоручив там дело разгрузки Поповкину, мы отправились знакомиться с обстановкой. Возникла идея выпить пива. В некотором месте встретились я, Чаповский, Симонов и Шиллер, и идея была дана ход. Мы отправились на вокзал, устроились за столиком и там, в кругу друзей, за шумную беседой... (А в это время на перроне шел митинг).

Проводы на Рижском вокзале. Роман (на самом деле – Роберт) Кульман, подобно своему литературному предшественнику, фотографу Меньшову («Золотой теленок»), снимает толпу провожающих с крыши вагона.

Предотъездное фото на фоне нашей теплушки. Слева направо – Роман Кульман, Анатолий Усов, Юрий Чаповский.

Приближается час отъезда. Остается 40, 20, 10 минут. Последние ахи, охи, вздохи, слезы (не для всех, конечно, а для избранных). 14.10. Последний пронзительно-длительный гудок, так знакомый по прошлому году мелодичный перезвон буферов трогającegoся товарняка, и наш состав в количестве 40 вагонов трогается с места, сначала назад, а потом вперед.

Первые десять минут все предпочитают толпиться у дверей, но вскоре рассасываются по всему вагону. Начинается новый этап нашей деятельности – дорога на целину. До-рО-га... если переставить ударение, то получится дорогА. Действительно, для меня дорОга всегда была дорогА многообразием впечатлений от новых мест, встреч, людей. Никогда не смогу понять людей, которые не обладают ни в какой степени тягой к бродяжничеству и скитаниям.

Химики едут целиком в 14-ом (первый и второй курсы), 15-ом (третий курс) и 16-ом вагонах, но в 16-ом мы занимаем только половину вагона, а во второй едут историки. Сама судьба свела нас с этими людьми, поручив им запечатлеть для потомков быт и будни

химически настроенных мальчиков и девочек. В этом вагоне нас 24 химика. Это так называемая «раздутая» десятка Храпова.

Часа через два мы окончательно утряслись по всевозможным направлениям, и жизнь потекла привычным образом. У нас, кажется, неплохо. Главное – свободно, даже выделили целый этаж под рюкзаки. Питаемся в своем вагоне, продукты каждый раз дежурные ходят кланчить у Шиллера (но тот в последнее время загулял, и найти его не всегда удается сразу). Занимаемся тем, чем обычно в таких случаях и занимаются: читаем, играем в «народные» игры, основная масса глазеет в окно, благо оно большое и служит нам дверью. Едем очень быстро, но часты и длительные остановки, так что в общем продвигаемся не очень бодро. Но это к лучшему: на остановках играем в волейбол, отдыхаем, слоняемся вдоль эшелона и за эшелоны... купаемся и обливаемся. Переезжаем Волгу, Каму, Чусовую – очень красиво. Из крупных городов были в Свердловске и Челябинске.

Живем организованно и дисциплинированно. Каждый день в вагоне хозяйничают четыре дежурных (двое надвое), а ночью для охраны сна и вещей спящих выделяем двух дневальных. По вечерам (а когда надоедают карты, то и днем) поем песни. Певцы у нас, по правде говоря, на этот раз собрались хилые, не было ни одного из титанов. (Был такой Храпов, да по причине болезни горла он выдавал очень редко). А репертуар у нас зато был обширный, и мы использовали его на всю железку. Почти вся наша десятка – туристы, что и отражалось на наших песнях. В вопросе о песнях мы быстро сошлись со своими соседями-историками. Нашлись общие мелодии, знакомые слова и названия, начались общие спевки. Однажды историки попросили нас спеть им что-нибудь химическое. Мы, естественно, в целях популяризации химической науки согласились на этот шаг и пичкали их своими песнями до глубокой ночи.

Дорога заняла в общей сложности пять дней, но прошла она незаметно. Много пели, много ели и опять пели:

По дороге длинной, скучной,
По дороге пыльной, скучной
Десять дней тряслись на нарах,
Обливались понемножку,
Напевали под гармошку
И играли на гитарах.

Некоторые не ограничивались только едой и песнями, заводили знакомства, как например С.И. Орлов, искали земляков, заглядывались на чужих девочек (и соответственно мальчиков). Некоторые, не желая прозябать в неизвестности, не останавливались ни перед

какими средствами в стремлении обратить на себя внимание (к химикам это не относилось). Так, журналисты, жившие по соседству с нами, начали с того, что написали на своем вагоне крупным шрифтом: «Нас мало, но мы журналисты». Когда же этого для популярности стало недостаточно, они на какой-то крупной станции устроили среди бела дня шумное шествие. Вдоль состава двигалась веселая кавалькада разрисованных вдоль и поперек молодых людей. Раздавались звуки бубна, гортанные крики и звон ложек. Широко открыв глаза, удивленные горожане взирали на пришельцев из далекой Африки.

Внесли разнообразие в нашу жизнь и наши мальчишки. Героями целых двух дней стали Коля Афонский и Юра Житнев – наши дорогие молодые преподаватели. Они бодро выдвинулись на общем фоне и заставили долго о себе говорить. В 0.50 по московскому времени 22-го июля на станции Чернушки за три минуты до отхода поезда они отправились принимать вечерние водные ванны и, что бы вы думали? – естественно, отстали. Перенеся массу злоключений и преодолев возникшие трудности, они, проникнув в багажный вагон пассажирского поезда, догнали нас в Свердловске, где их встретила восторженная толпа.

Юра и Коля явились как раз вовремя, так как, отчаявшись снова увидеть этих ребят, мы устроили аукцион по продаже вещей пропавших товарищей. Колю и Юру встретило объявление, из которого явствовало, что все вещи Житнева проданы, а из вещей Афонского продаются:

Самовар медный емкостью 3 литра,
Тапочки спортивные 43 размера (поношенность 73%),
Ружье типа «бердан» 32 калибра,
Гильзы к нему калибра 28.

24 июля в два часа ночи показались огни Кустаная. Первыми их увидели, по словам Афонского, сам Афонский и потом Рыкова и историк, игравший с ними в эту ночь в козла. Около двух часов длилась разгрузка состава и погрузка на машины. Здесь же мы узнали, что, хотя химики и будут работать в одном совхозе, но будут размещены на разных фермах. Нас всего 134 человека. Собравшийся прямо на шпалах штаб разбил массу на пять групп. Нам повезло в том смысле, что все ехавшие в 16-ом вагоне, все до единого человека, отправлялись в одно место. Нас ждало второе отделение совхоза имени Кирова, ждал управляющий, ждала работа.

От Кустаная до совхоза двести км, т.е. около восьми часов езды на автомашинах, как сказал нам симпатичный усатый товарищ, руководивший нашей доставкой и распределением. Он оказался заместителем директора совхоза по хозяйственной части. Фамилия его Хейфиц, имя Семен Яковлевич.

Удобно устроившись в машине с сеном и погрузив вещи в одну машину, а Храпова, Чаповского, Орлова и Афонского – в другую, выкинув им предварительно кусок колбасы, хлеба и рыбные консервы, мы тронулись вперед.

Первую и длительную остановку сделали в райцентре Боровом. Наш шофер исчез в дверях столовой (шайханасы) и что-то долго не появлялся. Саня Гриб ухитрился в это время достать (в смысле купить) «Похождения бравого солдата Швейка» Гашека. Эта книга скрасила нам впоследствии некоторые «тяжелые» стороны нашего существования.

Поселили нас по приезду поначалу в школу. Свою деятельность в совхозе мы начали с создания собственного лазарета. Приехали мы на свою ферму примерно в полдень, а к вечеру имели уже двух больных. После этого и началось... Японский грипп напал на нашу славную семью и основательно ее потряс. Получили мы этот грипп, очевидно, от историков, и он доставил нам много хлопот.

Школа, превращенная в лазарет. Страдальцы слева направо: Анатолий Пономаренко (автор этих записок), Вадим Иванов, Юрий Чаповский (хорошо видно, что даже на одре болезни он не расстается со Швейком, которого так удачно купил по дороге Саша Гриб).

Напротив них – Ирочка Беляева, лежит с высокой температурой.

А вот Наташа Буренина, хотя тоже больна, но лежать не может – наоборот, это на ней лежат обязанности врача.

Будь проклят ты, вирусный грипп,
С которым мы так воевали.
Везли нас в машинах сюда,
Обратно уже не пускали.

Так пелось в одной из наших песен. Лучшие сыны и дочери были вырваны из рядов семьи и брошены на пол. (Я, видимо, забыл сказать, что мы на целине развили семейственность. Папа у нас – Храпов, Мама – Афонский, а все остальные, сыны и дочери – это братья и сестры).

Запомни аул Каратал
И душную темную школу,
Где я без сознания лежал,
Метаясь по грязному полу.

Пал Папа, пал младший сынок – карьерист, заменивший было папу.

Прощалась Мама с ПапОй,
Назначили Маме другого.
Свалился от гриппа второй –
Осталась Мама вдовою.

Не двигался даже всегда бодрый Чаповский. Мы лежали на тюфяках, плевали в потолок, убивали мух и думали, кто же следующий?

Вставка от А.Усова.

Я чувствую, что о периоде болезни нужно бы сказать подробнее. Наша бригада в составе 24 человек должна была жить на полевом стане, который еще предстояло оборудовать. Школа, в которую нас привезли как в промежуточный перевалочный пункт, неожиданно превратилась в лазарет на несколько дней, и я был первым, кто прямо в день приезда слег с высокой температурой. Это было начало получившей впоследствии всемирную известность пандемии гриппа 1957 года. Вскоре ко мне присоединились и прочие больные. Оказалось, что на такой поворот событий мало кто рассчитывал. Народ при отъезде на целину легкомысленно не запасся медикаментами. Какие-то таблетки и даже термометр нашлись только у Наташи Бурениной, на которую и были возложены обязанности врача. Помощь могла бы подоспеть с Центральной усадьбы, но она была далеко, и там решали свои проблемы приезжих и не могли сразу оценить сложность нашего положения.

Школьный туалет, довольно шаткое дощатое сооружение, располагался на порядочном отдалении от школы, и туда нужно было ходить по тропинке. Встречаясь на этом пути несколько раз в день, мы с Романом Кульманом приветствовали друг друга словами: «Хелло, мистер, куда поезд идет?», на что встречный отвечал: «Поезд идет в Чикаго!» Поясню, что это цитата из популярной тогда эстрадной интермедии двух известных конферансье, А. Шурова и Н. Рыкунина. Термин «Чикаго» прижился немедленно. Когда мы переселились на полевой стан, расположенный в совершенно чистом поле, где местность, лишенная каких-либо укрытий, просматривалась до самого горизонта, проблема туалета встала во весь рост. Был объявлен аврал с участием всего работоспособного контингента, и вскоре команда во главе с Владиленом Храповым и Николаем Афонским воздвигла соответствующее сооружение. Это событие немедленно нашло отражение в стихах нашего поэта Юрия Чаповского:

Все удовольствия, удобства все и блага:

Нам Папа с Мамой вырыли «Чикаго»!

Я не могу вспомнить, как и чем мы кормились в лазарете. По всей вероятности, аппетита не было ни у кого, и мы просто голодали какое-то время. Однако на третий день эту проблему начали обсуждать, и Наташа (это наш доктор) заявила, что куриный бульон мог бы вдохнуть жизненные силы в организмы страдальцев. Идея всем понравилась, удалось даже приобрести курицу у местных жителей, но дальше начались затруднения. Мало кто представлял себе, как превращают живую курицу в куриный бульон. Потоптавшись вокруг этой курицы, все как-то невольно обратились к Роману Кульману как к самому опытному во всех отношениях человеку – охотнику, путешественнику и спортсмену. Без лишних слов Роман достал свой великолепный охотничий нож и приступил к курице с таким видом, как будто разделка всевозможной дичи – это его постоянное занятие. И что же – действительно вскоре бульон был готов, и все больные воздали ему должное и заметно приободрились. Признаюсь, действия Романа в этой ситуации восхитили меня, и как-то много дней спустя я стал говорить ему об этом. Роман возразил мне с чутью смущенной улыбкой, что ему никогда раньше не приходилось разделять курицу, так что он это делал впервые, имея обо всем только теоретические представления.

В конце этого дня прибыла и посылка с Центральной усадьбы с медикаментами и небольшим количеством спирта. Откуда-то вдруг появился пакетик с молотым черным перцем. Увидев его, Роман подозвал меня и сообщил, что может меня вылечить так, что я уже утром буду в состоянии отправиться на работу. Для этого он предложил мне взять объем спирта, который я могу выпить одним большим глотком, размешать в нем

чайную ложечку молотого перца, проглотить эту адскую смесь и улечься спать – тогда я встану утром совершенно здоровым. По-моему, я не пробовал до этого пить неразбавленный спирт, а про спирт с перцем и говорить нечего, но после подвига с курицей авторитет Романа поднялся на такую высоту, что я безропотно выполнил всю предложенную процедуру. Удивительным образом утром я действительно проснулся другим человеком. Естественно, была слабость в мышцах, но повышенная температура и прочие симптомы гриппа отсутствовали полностью. Меня взяли на работу, мы тогда занимались сеноуборкой. Первую половину дня я копил вместе со всеми, а когда объявили обеденный перерыв, неожиданно для себя самого приткнулся к одной из копен и заснул на пару часов. Ребята не стали меня тревожить, и во время этого сна ко мне полностью вернулись жизненные силы. Не могу не отметить в заключение, что методика излечения по Кульману (как и разделка курицы) была, вероятно, тоже известна ему только в теории, и ему интересно было проверить ее действие в опыте на человеке. Однако эта методика не является, по-видимому, универсальной. Через год мы вместе с Романом были на практике в Березниках, и он простудился, а я предложил ему воспользоваться для лечения смесью спирта и перца, которую я так удачно проверил на себе. К сожалению, в этом случае процедура оказалась неэффективной. Сейчас я пишу эти строки, сидя в карантине по случаю новой пандемии. Интересно было бы узнать, помогает ли рецепт Кульмана от COVID-19, но для этого нужны новые эксперименты.

29 июля больных было уже 13. Но мы не опустили. К этому времени нам удалось организовать и повести широкую компанию за здоровый дух в нездоровом теле. Силы наши постепенно росли, здоровье улучшалось. Когда в здоровье наших мальчиков и девочек наметился перелом, они пожелали каким-нибудь образом принять участие в жизни оставшихся в «живых» семи человек и с этой целью дали интервью нашему целинному корреспонденту. Каждому больному задан был один и тот же вопрос: «Что Вы можете сказать о своем поведении или поведении близлежащих товарищей в прошедшую ночь? Что Вам снилось?» Ниже помещены их ответы.

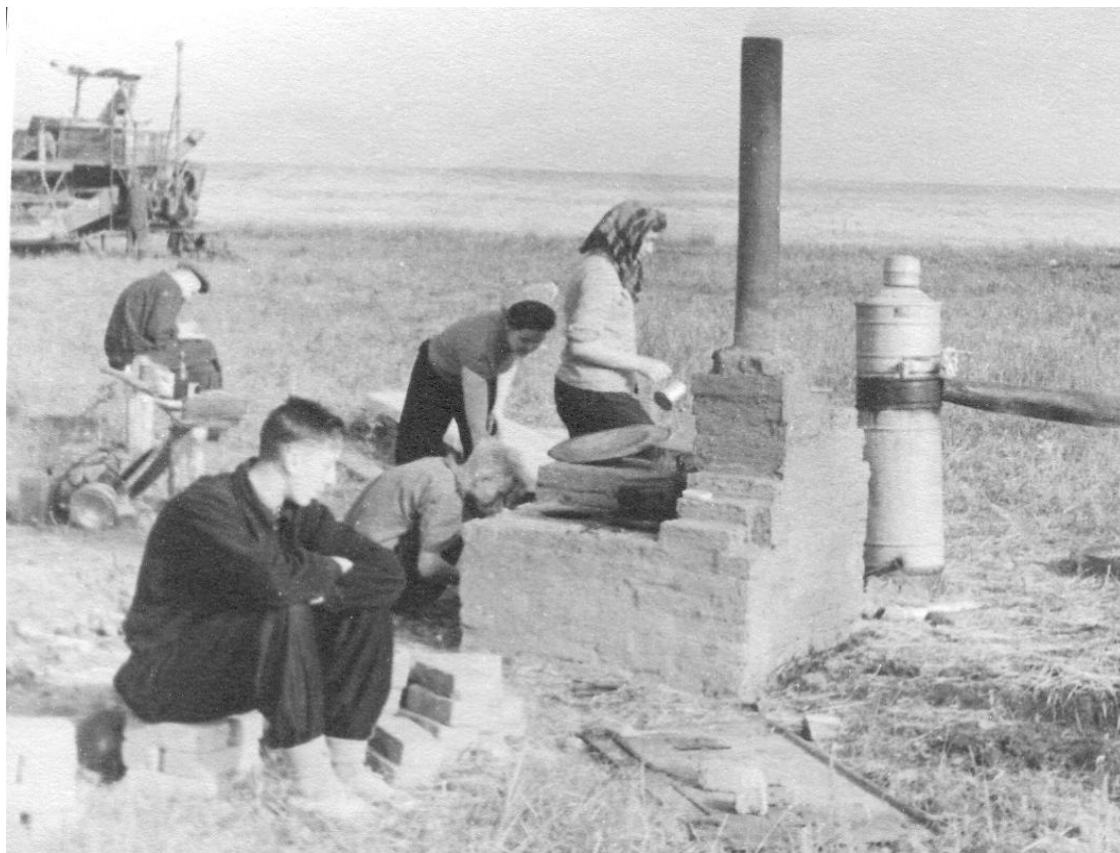
1. Житнев (по словам Храпова) – неприлично бредил.
 2. Храпов – тоже бредил, как слышал сквозь свой бред Житнев, но в меньшей мере.
- Примечание: за подробностями обращаться бесполезно.
3. Буренина (наш врач № 1) – бредила в картинках. То ей казалось, что она меряет температуру Кульману, то входит в большую страшную комнату с огромным самоваром на переднем плане.

4. Пономаренко А. (младшая) – бредила Москвой, а еще ей снились длинные серые тюфяки, сваленные в кучу.
5. Кульман – кушал во сне жареный шницель с сухим вином.
6. Иванов – бредил манией величия. Будто бы он сделал за 20 минут курсовую работу, ходил и хвастался этим.
7. Пономаренко А., (*он и есть корреспондент*), как утверждает Храпов (ему, право, не стоит верить) – собрал и обработал бред, сам находясь в глубоком бреду.
8. Чаповский (по Усову) – бредил расстройством желудка и тем, что дверь якобы заперта наглухо, а нового напильника в ней не торчит.
9. Усов (по Чаповскому). Бред № 1. Пришел к нему Швейк и сказал, что он похож на того самоубийцу, которого нашли повесившимся и разложившимся в пруду под железнодорожной насыпью, где он, очевидно, бросился под поезд. Бред № 2. Будто бы он был сначала совсем белым, потом начал сереть и через два дня превратился в форменного арапчонка.
10. Беляева – бредила нормальной температурой.
11. Александрова (наш новый врач) – для нее ночь была полна кошмаров и других впечатлений. Она обещала все это подробным образом занести на бумагу и дать нам, чем она, очевидно, и занимается до сих пор.

Теперь о работе. 25 июля – второй день нашего пребывания на целине. В отличие от других отделений, у нас работа нашлась сразу. В этот день мы (Афонский, Житнев, Оводов, Чаповский и я) ставили себе на полевом стане палатку, а остальная жизнеспособная часть двинулась в поле на сено. Палатка была армейская, большая и вместительная, но не первой молодости. Говорят, в ней в прошлом году тоже жили москвичи, 60 человек с Электросилы, нас же всего 24, и в этом наша сила. Впоследствии палатка не выдержала дождей, ее пришлось во многих местах зашивать. Правда, и после этого ее «пропускная способность» уменьшилась лишь незначительно. Постановку начали мы с поднятия целины. Избороздили землю лопатами, нарыли ям и ямочек, конечно, больше, чем надо. Потом долго с уважением ходили вокруг гордо лежавшей палатки и думали, с чего начать, за что зацепиться. К концу дня нам удалось поднять ее на кольях, она уже не лежала на земле. На следующий день в палатке был сделан ларь, уложены матрацы, подушки, одеяла.

Часов в пять 25-го июля наши ряды поредели. Уехал добывать себе место в лазарете Чаповский. Я чувствовал, что у меня самого не все в порядке. После работы ради интереса измерил температуру – 39.4. Меня тотчас схватили и уложили на тюфяк. Потом перевезли

в школу, где провалялся я до 30-го числа. К этому времени все здоровое население уже перебралось в палатку, в школе же оставались одни больные и врачи.

Жить нам предстояло в чистом поле на полевом стане, и этот стан предстояло оборудовать. Местные умельцы сложили нам печку из необожженного кирпича, которая чуть не размокла от первого же дождя, но потом постепенно приобрела прочность в процессе эксплуатации. На переднем плане с грустным видом сидит еще не вполне выздоровевший Анатолий Усов, далее пытается разжечь эту печку Юрий Оводов, хлопочут по хозяйству Наташа Буренина и Рита Адаменкова, на заднем плане Юрий Чаповский. Похоже, в руках у него Швейк.

Чтобы печка не размокала от дождей, необходим был навес. Изображен процесс установки этого навеса. В роли атланта Николай Афонский (Мама), на нем сидит и приколачивает навес Юрий Оводов, а придерживает навес Сергей Орлов (Пуль). Справа держит навес Юрий Чаповский. Над очагом склонилась Наташа Буренина.

Важнейший в хозяйстве прибор – титан для производства кипяченой воды. Заправляет этот титан водой дежурный Анатолий Усов (так и хочется назвать этот снимок: Два титана).

Обустройство нашего стана можно было считать завершенным после сооружения вместительного обеденного стола. На переднем плане – Роман Кульман в эффектной ковбойке. Он уже получил миску с едой и поэтому удовлетворенно улыбается. А вот слева в позах, выражающих напряженное ожидание, сидят те, кому пока еды не досталось – это Буренина, Афонский и Чаповский. У печки стоят дежурные Рита Адаменкова и Толя Пономаренко. Они озабочены раздачей еды и заняты настолько, что им некогда даже на мгновение повернуться к фотографу. На дальнем плане кто-то, опоздавший к началу обеда, торопится принять водные процедуры.

В первые дни снабжение было случайным и нерегулярным. Вот, например, привезли много огурцов – уже хорошо. Видно, как радуются этому событию Алла Пономаренко и Ира Беляева.

На порядочном расстоянии от нас в низинке была небольшая березовая рощица. Кто-то сходил туда на прогулку и вернулся с радостным сообщением, что роща полна грибов. Эту весть восприняли с энтузиазмом. Чаповский, автор большинства наших афоризмов, произнес: «Гриб – то же мясо!» Целая гурьба народа отправилась на добычу и вернулась с колоссальным урожаем, причем это были исключительно белые грибы высокого качества. Мы питались ими по крайней мере трое суток. Потом грибы кончились, и в те дни, когда провизии не доставало, кто-нибудь обязательно вспоминал афоризм Чаповского, кровожадно поглядывая на Сашу Гриба. Но в конце концов и наше снабжение наладилось.

31 июля праздновали Юркин (это Чаповский) день рождения. Собрались за столом отмечать уже вечером, когда стемнело. Это был первый день нашего самостоятельного существования – в смысле питания. Мы отделились от столовой, нам поставили печь, и мы начали кашеварить. В этот первый день дежурств не было, поварами были все свободные. На столе был пирог, картошка с мясом, салат. Когда все уселись, Гриша – один из местных трактористов – подогнал поближе свой трактор и осветил наше

пиршество сразу двумя фарами. Ну, как полагается, встали, выпили за здоровье именинника, он поцеловал Папу, облобызал Маму; выпили за здоровье Папы и Мамы. Все съели, потом пели до глубокой ночи.

А на следующий день я должен был принять на себя с Ритой первые удары голодного люда. Нам поручили первое дежурство на целине. Кому-то надо было начинать, и выбор Папы пал на нас. Все обошлось, кажется, благополучно, по крайней мере нас не били и даже не собирались. С каждым дежурством техника работы с печью, титаном, котлом и кастрюлями совершенствовалась. У дежурных впоследствии даже стало появляться свободное время, но у нас в первый день его еще не было. Помню, что на завтрак у нас была вермишель с консервами, которой мы сварили вдвое больше, чем надо, на обед уха, вечером жареные караси и пирог. Пирог отнесли больным в аул. В этот же день наши впервые ездили в аул в кино.

На другой день, как всегда, копнили. Я работал в паре со Светой. Поставили с ней приблизительно 130 копен.

Вставка от А.Усова.

О дежурстве обязательно нужно поговорить подробнее.

В один из первых вечеров, объясняя задачу на следующий день, Папа сказал: «А дежурить завтра будут Толя и Ира!» Возникла пауза, во время которой народ пытался уяснить, что это значит. У нас два Толи и две Иры. Один Толя только что отдежурил, очевидно, что речь идет о другом. Выяснилось, что мне в пару вначале предназначалась Ира Иванова, но в последний момент по неизвестной мне причине ее заменила Ира Беляева. Я еще не осознаю в этот вечер, насколько важным и благотворным для меня окажется этот выбор!

Дежурные пары создавались раз и навсегда, и монотонные трудовые будни разбивались таким образом для них на отрезки, разделенные днями дежурства. Эти дни в зависимости от капризов погоды и снабжения сильно отличались один от другого и запоминались надолго как «наше первое дежурство», «наше третье дежурство» и так далее. Как-то сразу повелось, что дежурство – это не неприятная обязанность, а почетная, хотя и нелегкая должность. Каждая дежурная пара была свободна в изобретении блюд, которыми собиралась накормить голодных собратьев. Возникало естественное желание перещеголять в этом отношении предшествовавших дежурных, чтобы заслужить одобрение Вадима Иванова, главного нашего эксперта по всем кулинарным вопросам, и услышать восторженные вопли голодных собратьев, сидящих за нашим большим обеденным столом.

А в процессе дежурства могли возникать сложности. Например, в наше второе дежурство утром выяснилось, что в результате сбоя в доставке провианта готовить обед нам не из чего. Времени на размышления у нас не оставалось, нужно было действовать, а спасти нас могло только браконьерство. Мы знали, что в совхозе есть картофельное поле, но до поры до времени существовал строжайший запрет на его эксплуатацию. От нас это поле было довольно далеко (туда нужно было ехать, но ехать было не на чем), и там имелся охранник. Я до сих пор удивляюсь, как нам вдвоем с Ирочкой удалось решить все эти проблемы, включая охранника, и подать обед с картофельным пюре, не изменив обычного расписания.

Еще нам досталось по полной программе в наше последнее дежурство, которое совпало с переездом бригады на 5-е отделение. Нужно было срочно освоить новую кухонную технику – там имелась большая печка с намертво вмазанными котлами. Нужно было готовить, рассчитывая на много большее число желающих завтракать, обедать и ужинать. Оказалось, что за дровами нужно срочно куда-то ехать, и для этой цели мне была предоставлена телега, запряженная лошастью. Управлять этим средством передвижения я должен был тут же научиться. Выяснилось также, что часть народа работает где-то в поле так далеко, что не может явиться к обеду, и им нужно отвезти еду в двух больших бидонах-термосах, используя все тот же гужевой транспорт. Короче, когда уже в первом часу ночи мы вымыли последний котел, наши силы были на исходе, и нас поддерживало только удовлетворенное сознание честно исполненного долга. Едва дотащившись до палатки, я бросился на свое ложе с намерением немедленно уснуть, как вдруг снаружи послышались громкие крики. Народ требовал, чтобы я вышел полюбоваться невиданным зрелищем. Пришлось вылезать, и в самом деле, происходило удивительное небесное явление. Больше всего это напоминало полярное сияние, но, во-первых, оно было ярко-красным (обычные полярные сияния желто-зеленые, хотя красные изредка бывают), а во-вторых, оно распространялось на весь небосвод. Волны красного света катились по небу, меняя форму и положение, зрелище было захватывающее. Немногочисленные зрители принялись строить гипотезы о происхождении этого явления. Большинство считало, что это разновидность полярного сияния, а появление его на таком большом расстоянии от северного магнитного полюса объясняется тем обстоятельством, что в 1957 году наблюдался пик максимальной солнечной активности. Мы не знали тогда, что вскоре будет произведен запуск первого искусственного спутника Земли, и что эти небесные явления могут быть связаны с экспериментальными запусками ракет на сравнительно недалеком от Кустаная Байконуре. Как известно, спутник полетел через несколько дней после нашего отъезда с целины.

Ирочка Беляева. Я благодарен судьбе, объединившей нас в пару для дежурства на целине, поскольку лучшей хозяйки не могу себе представить. Портрет сделан уже на 5-ом отделении в последний наш целинный день перед самым отъездом.

Появился и стал общепризнанным термин «придавить», т.е. использовать каждую свободную от работы минуту для сна. Юрка Чаповский кинул лозунг: «Полтора часа здорового сна заменяют одно яйцо». Его приняли как необходимость, как должное.

Каждый в меру своих сил и способностей претворял его в жизнь. Давили на сене, давили на силосе, давили на току. Неоценимую помощь в этом деле нам оказали дожди. Бывало, ударит дождик (а они идут здесь очень часто) на час, на два, а потом два дня ни проехать, ни пройти, вот и сидим без работы. Потом, правда, мы научились обманывать дожди, и работа находилась.

Пока идут дожди, а урожай еще не начали собирать, нашлось для студентов важное дело. В совхозе имелись пустующие коровники, в которых когда-то в течение нескольких лет содержали скот, но эти коровники, по-видимому, никто никогда не чистил. Если бы убрать многолетние наслоения, то помещения можно было бы снова использовать по назначению. На снимке – сформированная для такой чистки бригада выслушивает наставления бригадира Юрия Чаповского.

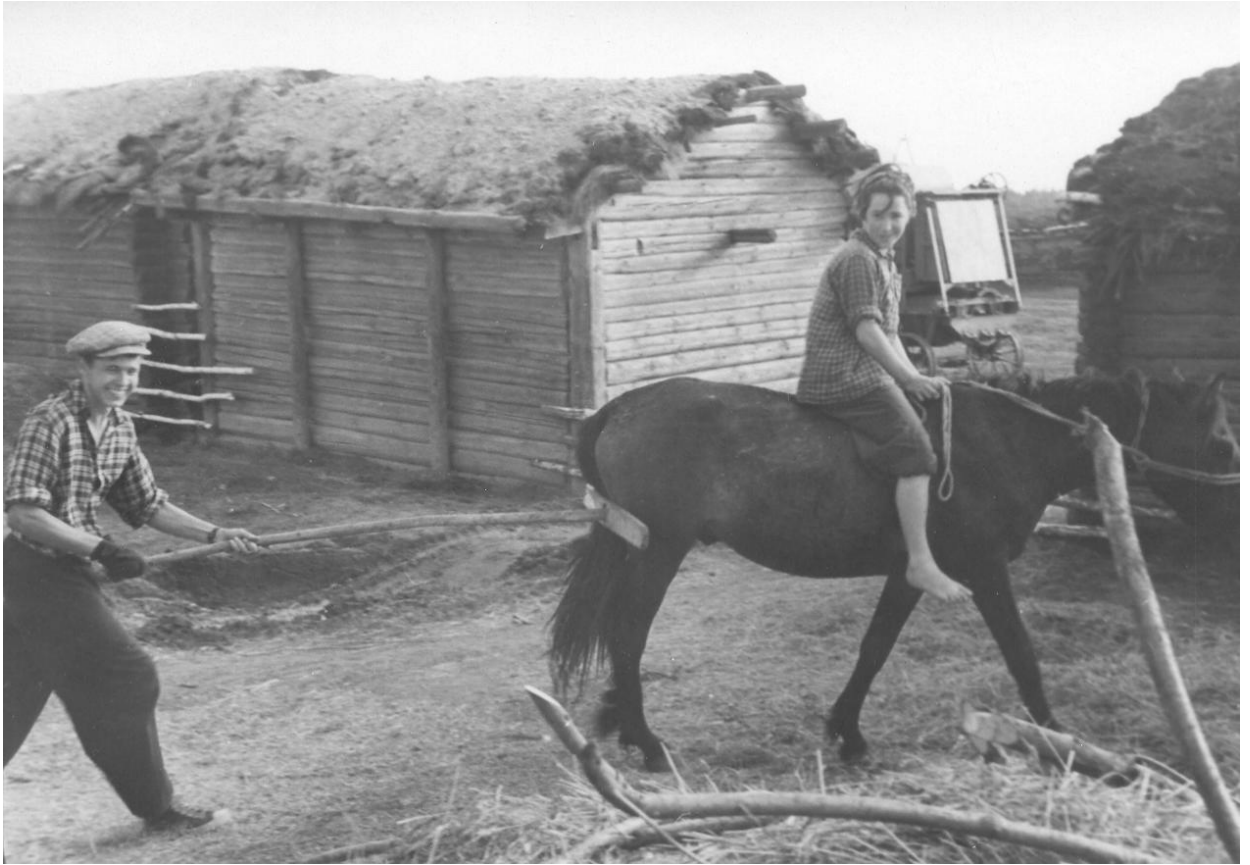
Для чистки авгиевых коровников бригаде был придан гужевой транспорт в виде упряжки волов. Считалось, что вола будут отвозить подальше то, что удастся извлечь из этих старинных помещений. Мы скоро убедились, что у волов на этот счет имеется собственное мнение. Пустую телегу в сопровождении пятерых погонщиков они еще соглашались везти потихоньку (в качестве погонщиков здесь выступают Наташа Рыкова, Наташа Буренина, Света Гаврилова, Чаповский и Афонский).

Однако везти груженую телегу вола вначале отказывались наотрез. На снимке – бригадир Чаповский, Буренина и (на заднем плане) Люба Ващенко пытаются привести в движение колымагу вместе с волами. Впрочем, с волами как-то удалось договориться, и какую-то территорию мы расчистили.

Пока зерна мало, у работников на току выдавалось свободное время. Можно было даже демонстрировать искусство верховой езды. В роли амазонки - Нагима Хафизова.

Правда, и здесь животные часто проявляли характер, так что для успешного продвижения вперед был нужен стимул. В роли погонщика – Роман Кульман.

Пошло первое зерно, и появилась необходимость круглосуточной работы на току. В первую ночную смену отправились Усов и Чаповский. Наутро они вернулись усталые, но довольные, поскольку не ограничились обработкой привезенного зерна и сочинили новую песню (на мотив Кукарачи):

*Подложив сухое сено,
Давят все, кому не лень –
Мы идем в ночную смену,
Нам для сна оставлен день.*

*Припев: Мы поступаем безрассудно,
Когда проводим ночь без сна.
Спать надо крепко, беспробудно,
Для того и ночь дана.*

Спит завхоз и вся бригада,

*Спят дежурные всюсю,
Только нам работать надо,
Перевеять дрепу всю.*

Припев.

*Папа спит, уснула Мама,
Два десятка спят ребят –
Мы работаем упрямо,
Слышен стук и звон лопат.*

Припев.

*Эй, родители и дети,
Ночью вкалывать - фонтан!
Отсыпаться на рассвете
Мы придем к себе на стан.*

Припев.

Песня понравилась. Мама Коля, однако, не удержался от мелкой критики. Зная способность Чаповского пространно разглагольствовать на разные темы, он заявил: «Одну строчку все же необходимо поправить. Вместо «Слышен стук и звон лопат» следует петь «Слышен ЗВОН - и стук лопат». Авторы не возражали.

12 августа всю ночь и весь день шел дождь, мелкий, спокойный, холодный и противный. По такому случаю лежали и давили до 9 часов утра. Бедные дежурные ухитрились все-таки сготовить завтрак: рисовую кашу и чай. Эти несчастные – Саня Гриб и Ира Иванова. Еду подавали непосредственно в палатку. Кашу ели, а тарелки выбрасывали в окно. Осматриваю сейчас своих мужественных товарищей. Почти все лежат. В правом дальнем углу Ромка Кульман и дражайшая Мама набивают патроны. Они еще не потеряли надежду встретиться как-нибудь лицом к лицу с дичью, которой здесь, действительно, более чем достаточно. Света и Юра Оводов читают, кое-кто пишет, как я, а Нагима Хафизова бренчит на гитаре. Но основное внимание приковано к месту, где раздается многообещающий голос Натальи Рыковой. Разговор идет о большом ае (ай – это праздник), который будет у нас по приезду в Москву. Принимаются индивидуальные заказы на напитки. Поступило уже много просьб на сухое вино (Винер), грузинское № 4 (Гриб), виски (Орлов), красное бренди (Пономаренко), «Столичную» (Оводов), советский ром, коктейль, пунш, разбавленный спирт. Все заявления Рыкова заносит в записную

книжку (посмотрим и проверим во времени жизнённость наших запросов). Много разговоров вызвали «цыплята в мадерё» и способы их приготовления. Одни предлагали сначала поить цыплят мадерой, а потом резать и варить, другие наоборот – сначала резать и варить, а потом жарить непосредственно в мадерё. Вадик Иванов по поручению общественности побежал в нашу редакцию давать объявление о конкурсе на лучший рецепт приготовления этого деликатеса. Все заявки обсуждались коллективно, а затем отвергались или утверждались. В это время Папа и Мама собирались на охоту на озеро Кара-Су за домашними утками, стреляли в вертикально поставленную доску, проверяли разброс и радовались. Дежурные варили щи с мясом.

Попытка регулярно поставлять на кухню дичь потерпела полное фиаско. Эта жалкая птичка, которую с гордостью демонстрирует восхищенным девицам знаменитый охотник Роман Кульман – пока единственный трофей, добытый метким стрелком.

Круг наших работ и забот расширялся. Появилась работа на силосе: погрузка из-под силосоуборочного комбайна и разгрузка зеленой массы с машин в ямы. В первые дни на этой работе у нас было занято восемь человек, двое в поле разравнивали зелень на машинах и шестеро разгружали машины. Позже количество силосников менялось в зависимости от объема работы. Порой у нас здесь оставалось всего по три человека. К 12-

му августа по нашим подсчетам в ямы было загружено около 500 тонн силосной массы. Дела у силосоуборочного комбайна часто не ладились, то поломка, то машин нет, с хорошей нагрузкой работали всего несколько дней.

Вставка от А.Усова.

Необходимо пояснить, в чем состояла работа на силосе. В то дождливое лето зерно уродилось плохо, зато кукуруза выросла отличная. Ее убирали на силос, и надо было спешно закончить эту страду, чтобы освободить рабочие руки для начинающейся уборки зерна. Косит кукурузу силосоуборочный комбайн, он на ходу срезает стебли, измельчает их и подает зеленую массу в кузов едущей рядом машины. В кузове должен находиться человек, который разравнивает эту массу, стараясь наиболее рационально использовать объем кузова. Производительность комбайна (если он исправен) очень высокая, и скорость уборки определяется наличием грузовых машин. В нашем случае использовались не самосвалы, а обычные бортовые грузовики. Машина должна отвезти груз за несколько километров к месту, где заготовлены силосные ямы. Здесь она становится бортом к яме, два человека-разгрузчика открывают борт, запрыгивают в кузов и хорошо отработанными движениями стараются возможно быстрее выбросить содержимое в силосную яму. Они понимают, что от их сноровки зависит быстрая и слаженная работа всего конвейера. Обычно, пока одна пара разгрузчиков работает, другая пара не просто ждет следующей машины и своей очереди, а для интереса засекает время, которое ребята тратят на разгрузку.

Ровно 50 лет спустя, в 2007 году, маститый академик Юрий Семенович Оводов праздновал свой семидесятилетний юбилей. Дело происходило в славном городе Сыктывкаре при большом стечении народа, это было событие республиканского масштаба. На торжественном заседании присутствовали не только коллеги-ученые, но и руководители Республики Коми, корреспонденты и тележурналисты. Были сказаны приветственные речи и подчеркнуты многочисленные заслуги юбиляра, возглавляющего большой институт, написавшего множество научных трудов, заложившего новые научные направления и воспитавшего целые научные коллективы. Я тоже поехал тогда в Сыктывкар поздравить Юрку. Выступая на юбилейном собрании, я напомнил еще об одном достижении Ю.С. Оводова: на целине мы с ним вдвоем ухитрились разгрузить машину с зеленой массой меньше чем за три минуты, и этот рекорд, насколько нам известно, побить никому не удалось. По-моему, Юра остался доволен моим выступлением.

В поле работали в основном мы с Папой, были дни, когда по старым нормам мы зарабатывали в день больше комбайнеров, по 90-100 рублей. Естественно, такие нормы нам не утвердили. После продолжительной борьбы была наконец установлена норма – 45% от заработка комбайнера.

По воле Папы я получил повышение по службе. Вот уже много дней я завхоз, заведующий нашим хозяйством. Ведаю питанием, деньгами, учетом, закупками, иными словами, спасаю от голода своих прожорливых братьев. Когда есть деньги, это еще осуществимо, но когда оные отсутствуют – дело хуже. Разъезжаю в хозяйственные командировки. Был несколько раз на Центральной, в основном за овощами, в Прорыве (это уже Россия), на 5-ом отделении (Фрунзе) у Мартемьянова. Добыл там капусту, огурцы, арбузы. Если получим 30-го деньги, поеду снова.

7-го августа мой день рождения. Дежурный на кухне сам шеф-повар Вадим Михайлович Иванов, помогает ему Нагима Хафизова. С утра чувствую себя именинником, именинником, а не завхозом. Позволяю дежурным брать продукты самим. Утром меня чествуют на линейке. Папа и Мама не могут сдержать слез радости при взгляде на своего административно-хозяйственного сына. Галя Александрова преподносит мне великолепного деревянного мальчишку. Это Буратино. Подарок чудесен. На лице у Буратино застыло веселое и располагающее выражение. Девчонки тотчас забрали его на хранение. Он спал вместе с ними до тех пор, пока в одной из потасовок ему не оторвали ногу. С отломанной ногой он перекочевал в чемодан Наташи Бурениной.

Поднимаю флаг. Вокруг бегают масса репортеров, звучит туш. Вечером хороший стол, немного для души, тосты, речи, опять подарки.

Однажды вечером, кажется, 15-го, когда все уже укладывались спать, Ромик Кульман рассказал, что у них в классе в свое время была в ходу своеобразная забава: народ делился пополам на черных и рыжих, и между этими группами устраивались шуточные потасовки. Прошло минут пять, казалось, никто не придавал его словам какое-либо значение. И вдруг в наступившей тишине раздался бодрый голос Мама: «Бей черных!!!» Коля придавил кого-то из черных, поднявших на него руку, а потом двинул ногой Вадика Иванова. Через три минуты в палатке творилось нечто невообразимое. Летали из угла в угол тюфяки, подушки, раздавались воинственные крики. Черных оказалось меньше, чем рыжих, и они были растоптаны. С этого вечера и в нашем коллективе произошло разделение на рыжих и черных. В лагере рыжих оказались Папа, Мама, завхоз (у которого была рыжая борода) и почти весь командный состав. Черным приходилось туго. Их опорой и надеждой был могучий Пуль (это Сережа Орлов, он был

штангистом, и его кумиром был американский рекордсмен Пауль, то есть Пуль, Андерсон). Он, конечно, дрался, как лев, но, когда его удалось привязать к двум столбам, дело решилось однозначно. 18-го рыжие выпустили свою газету, с правительственным лозунгом «Бей черных!» Газета имела успех и понравилась даже нашему вождю. Центр занимала смеющаяся рыжая голова и подпись «Папа рыжий, мама рыжий, рыжий я и сам», было несколько рисунков и стихи к ним. На следующий день черные организовались и выпустили свой подпольный листок «Рыжих бей». Дальше угрозы черные, однако, идти побоялись. Кроме рыжих и черных были еще нейтральные, рыжие с черной душой и наоборот. Этим доставалось от тех и других. В конце концов безучастных к происходящим событиям не осталось, произошло полное размежевание.

25 августа. Сегодня с Ритой опять дежурю. Это уже третий раз на целине. Дежурство у нас особенное. Папа с Мамой в этот день празднуют свою серебряную свадьбу, 25 дней совместной супружеской жизни. Хотя многим из детей больше лет, чем Папе, это его не смущает. Маму же не удручают разные фамилии и отчества бесценных дочерей и сыновей.

Утро начинается, как всегда. Подъем в 6.30, зарядка в 6.45, в 7.00 линейка. На линейке подводим итоги предыдущего дня, сдают рапорты бригадиры силосников, зерновиков, говорим о текущих делах и работе на сегодня. Потом Рита командует: «Смирно!» и объявляет торжественную линейку. Из строя под восторженные крики оголтелых детей выходит Мама и становится рядом с Папой. Я делаю вступительное слово, потом начинаются поздравления и преподношение подарков. От силосников родителей поздравляет со значительной в их жизни датой Юра Чаповский, от детей, работающих на току, Люба Ващенко, они преподносят совместный подарок – чудо-печку, наполненную зерном и силосом. Персонально рыжую Маму поздравляют дочери. Их подарки в основном косметического характера: крем, пудра, гуталин (солидол + сажа). Гуталин подбросили черные с тайной мыслью перекрасить Маму и увлечь ее в свой лагерь.

От редакции нашей газеты поздравительный адрес прочитал Толя Усов. Он пожелал родителям «здоровеньки быть» много-много лет и тоже вручил подарок – лист бумаги и карандаш, «Для заметок в нашу печать»- сказал он. От механизаторов Юра Житнев преподнес колесо от веялки. Я как завхоз выделил Папе и Маме по арбузу – маленький подарок от нашей большой семьи. Праздник прошел на высоком моральном уровне (другими словами, ничего спиртного к этому времени не осталось, а добыть не удалось). Обед решили сделать из блюд, которых у нас до сих пор не было. Все новое требует, естественно, дополнительных затрат и расходов. С обедом мы поэтому опоздали

на целый час, зато на столе впервые экспонировались рассольник и котлеты с картофелем, огурцом и помидором. Вечером варили тыквенно-пшеничную кашу. На ней-то мы и погорели, поскольку каша подгорела и многим не внушила уважения и должного доверия.

Свадебный обед, Папа угощает Маму с ложечки, хотя свою ложку Мама на всякий случай не выпускает из руки. По обе стороны юбилейной пары сидят Наташи, слева от Мамы Рыкова, справа от Папы Буренина.

1-е сентября. Наш светлый сон прерывается голосом Сани Гриба (он сегодня дежурный): «Дорогие господа целинники! Московское время 4.30. Поздравляю вас с праздником 1-го сентября. Подъем!»

Нервная дрожь проходит по рядам спящих. Начинают двигаться руки, ноги, кое-где головы. Через 10 минут почти все на ногах, интересуются, будет ли сегодня ай. Не знаю даже, что отвечать. По всей вероятности, нет, поскольку не успели взять свой заказ на Центральной: вино, халва, конфеты, дрожжи. Правда, водку я достал через Юрку Гузя (*это знакомый шофер*), но девчонки просят вина... Что ж, подождем, когда оно будет.

У нас наступили, наконец, времена, когда не стало хватать рабочих рук. С сегодняшнего дня на зерновых комбайнах будут работать уже 13 человек. При наличии силоса на ток мы можем дать только 4-5 человек. Житнев, Чаповский, Оводов и Орлов

будут работать помощниками комбайнеров на новых комбайнах, остальные – копнильщиками. Меня же пошляк-Папа не хочет ставить помощником, объясняя это моей ценностью и нужностью дома и на току. По долгу службы и дисциплины страдаю в основном молча. Наши молодые комбайнеры ходили уже знакомиться со своими агрегатами и поделились первыми впечатлениями. У Оводова комбайнер в самом начале разговора заявил, что москвичей он не любит, даже не переваривает. Поговорили они в основном на высоких тонах, но кончили мирно. Юрке посоветовали идти и спокойно спать.

Зато Чаповский в восторге от своего шефа. Они, как я понял, на дружеской ноге, и Чапа всю крутит и руль, и гайки. И еще он в восторге от плаката, висящего на комбайне меж цепей и звездочек: «Вовремя опусти и подними хедер». Слово «хедер» прочно вошло к этому времени в наш словарный фонд, и естественно, что плакат этот всем понравился, особенно силософам – так называются у нас силосники. В центре внимания сегодня как раз силос. Начался у нас силос второго августа, сегодня 1-е сентября, канун месячной годовщины. Осталось скосить каких-нибудь 15-17 га кукурузы, решено сегодня с ней покончить во что бы то ни стало: косить день, косить ночь, но все-таки кончить. В 9.00 приехал Семен Яковлевич Хейфиц, тот самый Хейфиц, который вез нас в совхоз из Кустаная. Он пригнал несколько машин из других отделений и заявил, что никуда не уедет отсюда, пока хотя бы одна кукурузина будет продолжать торчать из земли. Запасаемся теплым бельем, садимся в машины и едем. Нас 8 человек: на разгрузке Усов, Оводов, Орлов, Иванов, Папа и Мама, в поле у комбайна я и Наташа Рыкова. Будут ходить шесть машин. Начинается работа. Все идет, как по маслу. До двух часов ни минуты простоя, сделано больше 40 рейсов. В начале второго собираемся, как всегда, на обед. Вдруг поступает директива Хейфица: «Всем оставаться на местах и продолжать работу. Обед привезут в поле». Обед со временем действительно привезли, но идея эта не оправдала себя. Возня с обедом не дала выигрыша времени, т.к. повара не знали того, что думал Хейфиц, и не сразу соорудили передачу.

Первая вынужденная остановка в 6 часов вечера, когда осталось каких-то жалких 64 рядка. Это 8 кругов. И остановка долгая, полетели сразу две звездочки, а запасных, конечно, нет. Мы стали. Хейфиц укатил на ночь глядя за деталями в Ломоносовский совхоз, мы же поехали домой. На сегодня работа кончилась. Часов в 10 Юркин газик вернулся, звездочки привезли, и наш комбайнер поехал ремонтировать свою машину, чтобы с раннего утра начать работу.

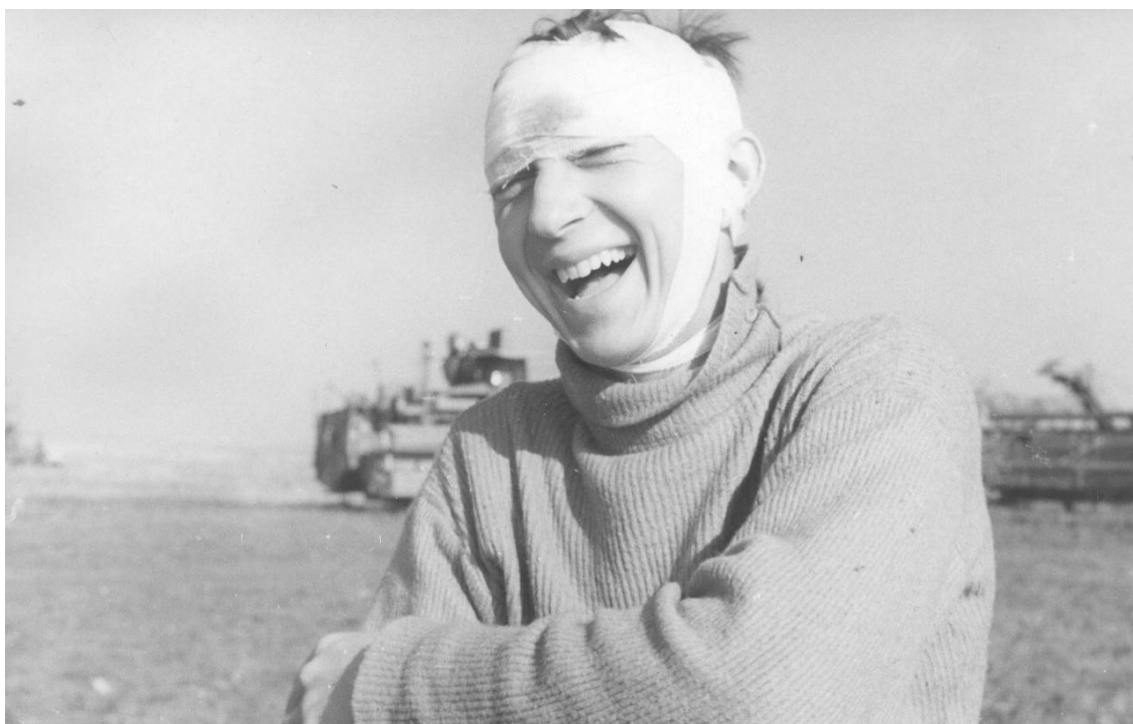
Сельскохозяйственные механизмы требуют постоянного ремонта. Часть людей, склонных к такой работе, временно переквалифицировалась в «механизаторов» (на снимке – Роман Кульман).

Вставка от А.Усова.

Вечером накануне очередного дежурства, уже в темноте решаю заготовить на утро дров для печки. Одно неверное движение – и взлетающее полено бьет меня по голове. Ну, рассечение брови, довольно сильное кровотечение, сам управиться не могу. На помощь приходит Роман Кульман. У него и бинт есть под руками, и знание, как нужно остановить кровь и правильно сделать повязку, и необходимая сноровка. Вот так я выгляжу утром:

Но главное – никогда и нигде не унывать!

2-е сентября. В пять часов меня будит Мама, я сразу просыпаюсь, соображая, в чем дело, одеваюсь. Начинаем подсчитывать свои силы. Нет троих. Сергей Орлов уехал работать в ночь на прицепе, Усов накануне рассек себе поленом лоб, Оводов должен идти

на комбайн. Решено меня оставить в поле одного, на разгрузке тогда будет четверо. Приезжают Иван, Хейфиц, Юрка, но работа не клеится. Нагружаю 4 машины, и вот – крупная поломка, разломился один важный валик, необходима сварка током высокой частоты. Хейфиц едет сначала в Тениз, потом на Центральную, чтобы заменить или сварить его. Мы же сначала «давим», потом едем завтракать, возвращаемся и снова «давим». А Хейфица пока нет. Дома Сергей Иванович Орлов поделился впечатлениями о ночной работе. Он несколько недоволен трактористом, говорит, что тот не заинтересован в работе. Больше спит, чем работает. «Работаем, работаем – рассказывает Сергей - и вдруг он будит меня и говорит: «Хватит, кончаем, давай спать» и глушит мотор». Папа велел Пулю поспать часов до 12 и двигаться нам на помощь. А пока «давим» без него. Словом, силос не удалось кончить и 2-го сентября, дожали мы его на следующий день.

3-е сентября, 11.45 по каратальскому времени. Окончание работы вызвало бурю восторгов и радости. Машины и комбайн были торжественно убраны кукурузой, она торчала спереди, сзади и с боков машин. Последние полосы были пройдены в темпе, но в самом конце пришлось приостановиться и устроить гонки за зайцем, обитателем этих мест. Зайца этого мы видели обычно каждый день, он привык к шуму и в конце концов так обнаглел, что подпускал к себе вплотную и людей, и машины. На разгрузке нас встретила наша силосная хива, каждый свою радость проявлял по-своему. Мама, например, в единственном числе устроила русскую народную игру «Дяденька, достань до хедера», остальные окружили шоферов Ивана Демина и Колю Глушакова и митинговали длительное время. Потом искупались и поехали домой. На душе, как говорится, и привольно, и весело, но в то же время и грустно, грустно оттого, что месячная эпопея борьбы за силос кончилась, и нам придется менять профессию, уходить с насиженных мест.

Конец силосных работ. Слева направо: Сергей Орлов (Пуль), Наташа Рыкова, Владилен Храпов (Папа), сидит на подножке Николай Афонский (Мама), рядом стоит Вадим Иванов, а сверху на кабине полулежит Анатолий Пономаренко.

На следующий день подводим итоги. Убрано 143 га, заложено в ямы что-то около 20 000 ц, сделано 1425 рейсов. Был у нас директор совхоза, хвалил за хорошую работу, обещал наградить 11 человек значками ЦК «За освоение кукурузы». Поговаривают о премиях для работавших на кукурузе, может быть, обломится и нам. Еще новость: шофера Ивана Демина посылают на 5-е отделение, а он не хочет ехать без нас. Директор обещал дать 4 человека из наших, сделать из них показательную бригаду, но потом раздумал. Оно и лучше, а то нам плохо пришлось бы без мальчиков. Основная работа теперь – зерно. Одиннадцать человек работает на комбайнах, остальные на току. Зерна мало, а нас много. В день поступает с комбайнов всего порядка 150 ц, на току обычно 40-50 т. Государству зерно еще не сдаем, готовим и закладываем пока что семенной фонд. Требуется отделению заготовить 550 т, имеется всего 250 т. Основной вид работы на зерне – перелопачивание, включающее в себя разбрасывание, переворачивание и собирание зерна. Зерно поступает на ток в ужасном виде, из-за зелени его даже порой не видно, засоренность достигает 75%. Вот эту «дрепу» мы и сушим по 3-4 дня, чистим, а потом убираем в амбар. Изредка бывает очистка на ОВ-10 и зернопогрузчике, перетаскивание зерна и разгрузка машин. И так каждый день. Много дней подряд на току выдержать

трудно, приходится на время «менять стиль работы». Такая перемена всегда благотворно сказывается на человеке и работе. Ток меняется с комбайнерами и дежурными на кухне и наоборот. Работы на зерне расцениваются плохо. Рассчитаны они, как нам говорят, на чистое зерно (засоренность 3-5%), а у нас она порой 50-75%, так что часто зарабатываем 5-9 руб.

Работа на току. Николай Афонский и Анатолий Усов с приспособлением для количественных измерений: считается, что эти носилки вмещают ровно один центнер зерна.

Николай Афонский на току. Для провеивания зерно нужно подавать на погрузчик.

Николай Афонский на току. Процесс пошел!

Работа на току. Веялку приходится загружать в четыре руки (Анатолий Усов, вот только нельзя понять, кому принадлежит вторая пара рук).

Усталая Галя Александрова. Не скажешь, что на току работать легко!

Финансовые дела несколько поправились после второго расчета 30 августа. Папа привез 4365 рублей, и это за 10 дней (с 20-го по 30-е). Тысячу рублей сразу же потратили на погашение долгов (мясо, картофель, тетя Дуся), столько же было оставлено в НЗ, остальные сейчас тратятся полным ходом, да их уже и не так много. 10-го сентября будет новый расчет. Из продуктов и овощей бывает, хотя и не всегда, все: огурцы, помидоры, капуста, арбузы, лук, морковь, картофель, свекла, молоко, хлеб, крупа, мясо. Сегодня кончается наш московский сахар, последний из продуктов, связывающий нас со столицей (масло кончилось несколько раньше), а ничего другого нам при дележе не досталось, переходим на халву и песок.

9-го сентября будет новый ай, посвященный Натальиному дню, а Наташ у нас две – Рыкова и Буренина. Первой из них недавно была прислана посылка, в ней конфеты, халва и бутылка вина. Все это отложено на праздник. Последний ай у нас был уже «давно», 28-го августа. Посвящался он Юркиному дню рождения (Юрок у нас трое, в данном случае имеется в виду Юра Оводов). В этих местах очень трудно с вином и водкой, приходится доставать у черта на куличках, так и в этот раз. Уехали с работы я и Жорка Величко на Гужеевой машине и прокатились до 6 часов вечера. В Прорыве ничего не было, поэтому пришлось ехать вглубь России (Курганская область), до победного конца. Сделав 150 км, мы благополучно добрались домой.

Вообще я допустил неточность. Оказывается, после 28-го августа был еще один ай – 3-го сентября – в честь начала нового учебного года и окончания силоса. На банкете присутствовал попавший к нам в поисках Василевского секретарь райкома комсомола. Утром он поблагодарил нас за песни, ночлег, еду и пр. и укатил на своем мотоцикле в Маль-Агаш. Он усиленно советовал нам заняться общественной работой среди местного населения и механизаторов. Секретарь рассказал нам о последней телеграмме, полученной из центра, из которой следовало, что наш отъезд отодвигается на 1-е октября. Вскоре это подтвердилось. Ребята получили от Муратова письмо, в нем было много новостей, но самая неожиданная состояла в том, что будет новый призыв комсомола – поехать на уборку на Алтай. 5-го сентября наш курс поедет целиком. Это всех нас взволновало, все тотчас изъявили желание также побывать на Алтае со своими, но директор нам сказал: «Об Алтае и не мечтайте, найдем работу вам и здесь. Шуруйте!» И мы вот шуруем уже много дней, шуруем, насколько позволяют силы, а их не так уж много, все-таки двухмесячная работа сказалась на наших организмах. Народ начинает понемногу прибалывать, однако, как говорится, идем ко дну, но не сдаемся.

13-го сентября наш Папа ездил на Центральную, привез 4200 рублей (за 30.08-10.09). Был он на 5-м отделении, где в основном сосредоточен наш курс и куда мы

собираемся ехать на помощь после 20.09. Таков приказ директора, да и действительно, там прорыв с зерном и силосом, так что работы хватит и на нас. Положение на отделении, как мы поняли, скверное, если не сказать хуже. Ребята не справляются на силосе, не успевают сушить зерно на току, так как работают только на механизмах в две смены по 12 человек. Остальные на силосе и ездят с машинами в Ломоносовский совхоз. Перелопачиванием занимаются в основном казахи, они ничего не делают, и зерно, естественно, горит. На току у них зерна около 500 т. Живут они грязно, питаются неважно, нет хорошей организации, Мартемьянова не слушают и часто делают, что им заблагорассудится.

Обо всем этом нам поведал вечером на собрании Владька. Основной вопрос собрания – о награждениях, штаб предварительно собрался и наметил кандидатуры, но на собрание их не вынес: решил послушать, что скажет народ, и народ сказал. Сначала (как обычно на собраниях), несмотря на темноту, царило молчание, неясно было, как подступить к этому вопросу. Наконец, решили оценивать каждого при представлении не только по работе, но и по отношению к ней, по поведению в нашем небольшом коллективе.

К грамоте ЦК и значку ЦК «За освоение целинных земель» представили пять человек: Афонского, Ващенко, Гаврилову, Оводова, Гриба, а Храпова – только к значку ЦК. Грамоту ЦК ВЛКСМ решено дать: Чаповскому, Пономаренко, Степановой, Адаменковой, Ивановой, Усову, Кульману, Винер, Житневу. Остальным грамоты обкома. Грамоты райкома будут всем. Сегодня списки и биографические данные Владик повез утверждать на штаб.

Целина в этом году вышла у нас не хлебная, а скорее силосно-хлебная, месяц силоса и месяц хлеба. Урожай в этом году хилый, хотят в среднем взять по совхозу 5-6 ц с гектара, но у нас пока собирают по 2-3 ц и не больше. Хлеб сырой, с травой наполовину. Но и этот хлеб не могут убрать быстро и без потерь. В работе масса недостатков. У нас, например, в бригаде 9 комбайнов, из них работают в поле обычно 7 (на них 9-11 наших людей). Комбайны много простаивают из-за поломок и отсутствия машин. Так, 12-го комбайн Житнева работал всего 2,5 часа, а потом весь день ждал машин, но так и не дождался. Часто ждут и другие комбайны. Ни на одном комбайне не было нормальных копнителей, и нашим ребятам доставалось при разгрузке: одни копнители не открывались, другие не закрывались, третьи вообще потеряли свой первоначальный вид. Все происходило потому, что при косьбе комбайн часто давал задний ход, потому что перекаати-поле забивало ножи и полотно. Если при этом действия комбайнера,

копнильщика и тракториста были не согласованы, и копнитель оставался почему-либо не закрытым, то последнему «наступала крышка», он ломался.

Сами комбайны часто ломались по причинам, имеющим начало в недалеком прошлом. Я имею в виду прошлогоднюю вспашку. Пахали землю в основном те же люди, которые сейчас убирают урожай в этих местах, пахали плохо, неровно, словом, земля обработана скверно. А сейчас на этих рытвинах и ухабах комбайны ломают шестеренки, теряют гайки, рвут цепи. Ко всему этому комбайнеры хотят косить на тех участках, которые были обработаны получше, а от плохих участков пытаются уклониться. Есть у нас такой Соснин Саша, так это непосредственно относится к нему.

15-е сентября. Сегодня в 6 утра на столовой вывешен первый номер «Боевого листка». Основная тема – «Отчего простаивают комбайны». Речь о том, чтобы как-то открыто и постоянно говорить о недостатках и безобразиях, которые мы наблюдаем вокруг себя, шла давно. Решили выпускать «Полевой листок» (бланки его были захвачены из Москвы), но все не находилось времени. Когда нам надоело смотреть, как таскают зерно, как простаивают комбайны, такой листок начал наконец выходить. Сегодня вышел первый номер. Редакция – Ващенко, Винер, Милишникова, Житнев. Каждый вечер Юля будет собирать с комбайнеров и прочих свежие данные. Если появится новый материал, то он будет тотчас включаться в номер.

Неожиданно приехал Василевский с директором и, пробыв у нас буквально пять минут, уехал в аул, забрав предварительно Папу и Маму с собой, а мы несколько позже выехали в том же направлении на работу. Было около 8 утра. Как всегда, начали разбрасывать кучи, бурты, запустили ОВечку. Но у всех было такое чувство, что сейчас в правлении решается какой-то важный вопрос, но какой?

В 10 часов появился Владька и сообщил: «Сегодня же едем на 5-е отделение. Дело решенное. Василевский, мол, уже уехал за кирпичниками. Поедем вместо них». Все это было несколько неожиданно. После обеда на ток не пошли, а стали готовиться к отъезду. Но кирпичники появились у нас только утром на следующий день, когда мы, не дождавшись их, опять уехали на работу. Переселенцев привезли в палатку, показали хозяйство, познакомили с людьми и начали перебираться на новое место. Машина была одна и за один раз всех увезти не могла, на одно наше хозяйство нужен был целый рейс.

Прощание с нашим полевым станом. Мы оставляем насиженное место «кирпичникам» (это студенты младших курсов химфака), а сами едем на 5-е отделение, где срочно нужны дополнительные рабочие руки.

Сначала уехали 13 человек во главе с Храповым, они должны были в этот же день (16го сентября) приступить к работе. Вечером – еще 8 человек, их имущество и хозяйство. Житнев и Оводов остались до конца уборки на своих комбайнах (сами говорят, что сбегут к нам раньше 20-го). А Орлов был оставлен кирпичникам дня на два для введения их в курс дела, после чего он должен был съездить в Тенгиз к историкам за Галкиным чемоданом. Все эти поручения он выполнил и вечером 18-го присоединился к нам.

Поселились мы все вместе в палатке кирпичников, хорошей и добротной (вот бы нам такую раньше!). Навели порядок, прежних хозяев напоминал только плакат, свешивавшийся в палатке с потолка: «О правилах пользования железнодорожным транспортом», но и его скоро ликвидировали. Встретили нас вообще не очень радостно, но это нас не смутило. Намечая свой приезд в 5-е отделение, мы ставили своей целью не только оказание физической помощи ребятам, но и помощи в организации учета, работы и быта. А жили и ели они в неприличных условиях. Начали прибирать дела к своим рукам. В день приезда вечером провели собрание. Поговорили о текущих делах, о совместной жизни, а на следующий день на току был выбран общий штаб из 5 человек: Храпов –

бригадир, Мартемьянов – помощник, Курбатов – учетчик, Захарова – ответственная за быт, я – завхоз.

Собрание было шумным. Началось оно с вопроса: «Будем ли мы теперь, после объединения, жить коммуной, то есть питаться вместе и заработанные деньги делить поровну между нами?» Вопрос об уравниловке Мартемьянов ставил на собраниях и раньше, но основная масса высказывалась против. Собрание повел Храпов, он рассказал о положении дел у нас. Правда, таким как Орловский, Мосалович, Шубин долго пришлось объяснять, что такой подход к делу наиболее правильный, рациональный, справедливый. В конце концов кустарем-одиночкой остался один Лева, собрание решило ввести с 17.09 уравниловку. Наша идея восторжествовала. Остальные вопросы были решены просто и быстро. Вечером штаб собрался прямо на току и принял ряд решений, распределив обязанности. Работать предполагалось в две смены, с 6 до 15 и с 15 до 24, но с 19-го ввели еще специальную смену с 8 до 20, которая занималась только перелопачиванием зерна. Бригадиром ее был Коля Афонский. Ввели в жизнь линейку и отчасти зарядку, как это было у нас на 2-м отделении.

Вчера ездил на Центральную и в Прорыв. Был у Василевского и директора. Интересные новости: во-первых, мы уезжаем 26.09, а во-вторых, появились новые награды. Видел списки на медаль «За освоение целины» и Почетную Грамоту Президиума Верховного Совета Казахской ССР. Среди них старик, старушка, Ващенко. Володька рассказал колоссальную хохму. Лузиков прислал Паписову телеграмму «Осторожно. Цепи расставлены». Ее из Москвы до места назначения сопровождал на самолете специальный сотрудник МГБ, нашел, кто ее получил, и Ваньку долго таскали и допрашивали. Здесь же встретил наших «отсталых» Житнева и Оводова. Уборка хлеба на 2-м отделении пришла к концу, и они переселялись, правда, по собственной воле, к нам. С ними были и их механизаторы Саша и Гриша в качестве сопровождающих. Поехали все в Прорыв (лучшего места для прощания в Казахстане, очевидно, не найти). Оставил их там в столовой, сделал закупки круп и захватил ребят, уже изрядно повеселевших, на обратной дороге домой. По пути «повеселился» и сам. Расставание с механизаторами было действительно трогательным: обещали друг другу переписываться, Гриша к тому же собирался приехать к нам в Москву.

Делаем заключительные фотографии по случаю окончания всех работ:

«Прямо на току вторая смена провела прощальную (последнюю) линейку».

Наш отъезд действительно состоялся 26-го и в самом деле мы работали вплотную. 23-го стало известно, что поезд уходит из Кустаная в 6 утра, а мы уезжаем с отделения 25-го в 10 часов по местному времени. 24-го в 16 часов москвичи кончили свою работу, здесь же, прямо на току, вторая смена провела прощальную (последнюю) линейку. Начальник смены Житнев выстроил своих голодранцев и сдал рапорт о последнем дне работы секретарю комсомольской организации совхоза. С Сюзанной (*одна из наших любимых песен, ее требовалось исполнять как можно громче*) на устах они вернулись в аул. Трудовые будни окончились. Начались сборы в обратную дорогу и подготовка к прощальному аю. Сборы были недолгие, палатка быстро приобрела бесформенный вид и представляла примерно следующую картину: в центре палатка как таковая, вокруг нее валяются бочки, ящики, ведра. Внутри опять ящики и груда личных и общественных вещей, на которой восседает веселая хива, ревушая в ожидании выпивки на разные мотивы куплет, из которого явствовало:

Говорят, кольцо к разлуке –
Я нарочно надену два:
Не кольцо нас разлучило,
Разлучила целина!

Вечером собрались в школе, застлали пол сеном, сверху одеялами и расселись, кто где и кто как. Сырье для ая в основном поставили хозяева. Из Кургана было привезено 30 бутылок белой, из местного стада извлекли небольшого барана, и еще одного мы купили сами. Сварили рис с мясом, сделали салат. Присутствовало нас 63 человека, местной интеллигенции человек 10 и прочих человек 15. Обе стороны произнесли соответствующие тосты, а потом принялись за еду и сучок.

На следующий день (25-го) долго грузились, таскали вещи из машины в машину. Глядя на мои мешки и ящики, Папа распаялся медленно, но упорно. Наконец, он не выдержал и заявил, что не пустит меня никуда с этим добром, если я не выброшу половину. К 10 часам все погрузили, люди расселись по машинам, ожидая отправки, а я еще бегал в поисках свободного для кипятильника места и в последний момент втиснул его к мартемьяновцам. Поехали! Но не совсем, а на Центральную. Несколько минут томительного ожидания: получаем деньги и ждем митинга. В три часа все окружили директора совхоза Дмитрия Захаровича Качурина, начинается шарап наград. Прежде всего директор от имени облизполкома вручает медали «За освоение целины». Эту первую правительственную награду получают 27 человек химиков и экономистов. Из наших: Санька, Владька, Юрка и я. Далее идут почетные грамоты Президиума Верховного

Совета Казахстана, значки и грамоты ЦК ВЛКСМ. В 4 часа колонна из 15 машин со знаменами и транспарантами выезжает на большую дорогу и берет курс на Кустанай. Мы едем на первой машине (Гузеевой 77-40). В смысле пыли мы выиграли довольно много, нам по крайней мере не нужно заворачиваться в одеяла. В Кустанай приезжаем поздно вечером, я бы сказал, скорее ночью, вселяемся в вагоны и укладываемся спать.

Утром начинаются обычные путевые будни. Делятся арбузы, помидоры, хлеб. Все это было нам подарено 5-м отделением:

Арбузы 200 кг

Помидоры 100 кг

Хлеб 100 кг

Считаем с Владькой деньги, делаем расчет и подводим краткие финансовые итоги. За два месяца нашей бригадой заработано 30936 рублей, что составляет примерно 1280 рублей на рыло. При окончательном расчете приходится на человека 693 рубля, проедено 470. Питание в среднем обошлось нам по 7 рублей в день, выдаем на руки по 600 рублей, остальные идут на ай (1700), а также выделяем Алику Штейману 300 рублей на непредвиденные расходы. В поезде продолжаем жить коммуной, обобществили суточные и теперь добываем на них пропитание.

Начинаем понемногу терять своих: в Кустанае оставили Иру Иванову и Чаповского, сегодня утром в Уфе – Нагиму Хафизову. Завтра вечером в 8 часов должны быть в Москве. Кажется, наша целина приходит к концу. 1-го октября намечается наш первый большой ай, а 2-го мы с Юркой, очевидно, уже поедем дальше, в Харьков, к его бабушке и дедушке. Вернемся в Москву числа 15-го. Вот и все.

Хочется в заключение немного пофилософствовать, сравнить целину этого года с целиной прошлого года, вспомнить, что было хорошего и что плохого. В поезде нам с Владькой и многим другим предложили ответить на ряд вопросов, касающихся как раз хорошего и плохого, этой целины и той, коллектива, работы.

Вот эти вопросы и наши ответы на них.

1. Почему Вы поехали на целину?

Поехали мы на целину прежде всего по желанию. Хотелось хорошо поработать: и нам хорошо, и Родине польза. Перед глазами стояла ясная картина прежней целины. Нам интересно было знать, какой получится целина в этом году, ведь характер местности и климат были иные: в прошлом году мы работали на юге Казахстана (Алма-Атинская область), а в этом на севере (по Тоболу). К тому же «стариков» поехало маловато.

2. Что Вы ожидали от целины?

Ожидали от целины хорошей работы, хорошего урожая, создания дружного, крепкого и веселого коллектива.

3. Какой был урожай, какие виды работ преобладали, какой получился коллектив? Урожай был плохой, работа была, но работа с зерном не была основной, пришлось убирать и хлеб, и сено, и кукурузу (на силос). Коллектив получился дружный, о каком мы и мечтали.

4. Что Вам больше всего понравилось?

Понравилась прежде всего та жизнь, которой мы жили, как в смысле питания, так и в смысле существования вообще. Мы были самостоятельны, и по сравнению с прошлым годом все основные бытовые и производственные вопросы решались не узким кругом людей, а всем коллективом. Понравилась общность взглядов, взаимная поддержка в трудные минуты, коммуна. Самая интересная работа, по крайней мере для нас, была на силосе, для всех она была новой. Силос долгое время являлся основным видом работы, продолжавшейся целый месяц, нашим хлебом. Понравился силос новизной и тем физическим напряжением, которое всегда испытываешь после хорошей работы.

5. Какие недостатки и неполадки в работе Вы встретили?

Плохое было: не понравилась несогласованность действий директора и управляющих на отделениях. В уборке не понравилось то, что косили меньше, чем можно было, комбайны часто простаивали из-за поломок и отсутствия машин. Большинство недостатков было выявлено к концу пребывания на 2-м отделении, когда мы окончательно освоились и стали больше смотреть по сторонам. Но дальше выявления недостатков нам пойти в основном не удалось, вернее, мы не успели, хотя некоторые попытки делались.

6. Кто Вам больше всего понравился из работников совхоза?

Из работников совхоза понравились нам механизаторы, шоферы, с которыми нам пришлось жить и работать. Это И.Коротун, Л.Коротун, Саша Демьяненко, Юра Гузь, И.Демин, Коля Приходько и многие другие.

7. Сравни обе целины. Что было в этом году лучше, что хуже?

В прошлом году мы жили все вместе. В этом смысле та целина лучше, но зато в этом году удалось крепче склотить коллектив. В прошлом году работы было больше, но в этом году она была разнообразнее. В этом есть своя прелесть. В прошлом году мы сделали явно больше, и результаты были налицо. В этом году были трудности с учетом, пришлось много им заниматься, так как опыт у нас в этом вопросе незначительный. В этом году удалось более высоко организовать труд, поскольку коллектив у нас был меньше, но крепче и дружнее, в нем легко было работать.

Эпилог

Прошло много лет, но яркие целинные впечатления не забываются и вспоминаются с удовольствием. Вот хороший пример: я очень дружил с Кульманом, но после окончания университета судьба распорядилась так, что мы не встречались долгие годы. Мы оба работали в Москве, что-то слышали друг о друге, но общаться не получалось. Наконец мы встретились в ИОХе, и это произошло через тридцать лет после нашей целинной эпопеи! Радуюсь несказанно этой встрече, я спросил Романа, как же он жил все эти годы, а он не задумываясь ответил: «Жизнь моя полным-полна скитаний!» Он процитировал первую строчку из песни, которую мы постоянно пели на целине, и которую я сам часто напеваю в разных жизненных ситуациях. Оказалось, что в сердцах у нас обоих хранилась долгие годы благодарная память об этом замечательном времени.

Сравнивая две целины, Толя Пономаренко говорит о нашей бригаде: «Удалось более высоко организовать труд, поскольку коллектив у нас был меньше, но крепче и дружнее, в нем легко было работать». Дело ведь не только и не столько в небольшом размере коллектива, а в том, что в нем нашлись лидеры, задавшие правильное поведение, и на них равнялись все остальные. Таких лидеров, у которых неожиданно обнаружились крайне необходимые деловые и душевные качества, у нас было трое. Владилен Храпов великолепно справился с ролью бригадира, найдя нужные формы взаимоотношений с начальством. Анатолий Пономаренко оказался прирожденным завхозом, который смог решить все проблемы, связанные со снабжением и учетом произведенных работ. А Николай Афонский (звание Мамаы – это ведь не случайность) с его ровным характером, доброжелательностью, готовностью к любой работе, неиссякаемым оптимизмом и энтузиазмом служил для всех нас образцом для подражания. Могло показаться, что дружеская атмосфера сложилась у нас в бригаде сама собой просто благодаря рабочей обстановке. Что это было не так, мы поняли, когда попали в конце работы на соседнее отделение, где картина была заметно другой.

Не очень понятно, насколько наши заметки могут заинтересовать постороннего читателя. Обычно воспоминания такого рода бывают интересны только участникам событий. Интерес подогревается тем, что у участников появляются собственные ассоциации и возникают в памяти дополнительные факты, не нашедшие отражения в

тексте. К величайшему сожалению, этих участников остается все меньше и меньше. Коля Афонский, работавший на химфаке в секретной лаборатории (естественно, мы не знаем, чем он там занимался), вскоре после возвращения с целины скоропостижно скончался от лейкемии. Толя Пономаренко и Юра Чаповский погибли в горах, рано умерли Владик Храпов и Саша Гриб. В самом начале нового века ушел из жизни Роман Кульман, сравнительно недавно скончались Юра Оводов и Вадик Иванов. Остается только хранить благодарную и светлую память об ушедших друзьях.

Казахстан-Москва. 19 июля – 1 октября 1957 года. Анатолий Пономаренко

Москва, май 2020 года. Вставки, новая редакция и иллюстрации к тексту, относящемуся к 1957 году. Анатолий Усов

